

Суфии –
мысль
и действие

Идрис Шах

Суфии – мысль и действие

«ЭННЕАГОН ПРЕСС»

Шах И.

Суфии – мысль и действие / И. Шах — «ЭННЕАГОН ПРЕСС»,

ISBN 978-5-91051-069-6

«Суфии — мысль и действие» — книга, изданная впервые издательством Octagon Press, London в 1990 году — представляет собой антологию разнообразных суфийских идей и описание деятельности суфиев во многих странах и культурах. Книга содержит полученные из первых рук суфийские обучающие методы; здесь можно найти описания суфийских мест встреч, узнать о различиях между суфиями и их имитаторами, получить представление о разнообразных видах суфийской работы, об идее органической деятельности, об условиях вхождения в суфийскую группу, о суфийской способности проецировать на других образ себя, о сверхчувственных восприятиях, о том, чем суфии заняты, что они хотят, чтобы мы знали или — не знали, и многое другое.

ISBN 978-5-91051-069-6

© Шах И.

© ЭННЕАГОН ПРЕСС

Содержание

1		5
	Суфийские духовные ритуалы и верования	5
	Цель суфийского учения	5
	Мистицизм – это не магия	5
	Распространенные искажения суфийской мысли	5
	Удаление того, что изолирует от истины	6
	Проникновение гордыни в религию	6
	Путаница, созданная учеными и популяризаторами	8
	Суфийский руководитель	8
	Необходимость для учащегося учиться тому, как учиться	11
	Четыре основных состояния человечества	12
	Четыре уровня восприятия	14
	О понимании и неправильном понимании термина ‘любовь’	14
	Утраченное понимание священных текстов	14
	Обет Ученичества	16
	Посвящение	17
	Лживые опыты	19
	Активизация Тонкостей	19
	Концентрация	19
	Повторение	19
	Чудеса и Святость	21
	Резюме	25
2		27
	Вера	27
	Суфийская деятельность	31
	«В мире, но не от мира»	31
	«Сожги это препятствие»: глубина и характер суфийского потенциала	31
	Три вида знания	32
	«Умри до своей смерти»	32
	«Тебе нужен горн или светильник?»	32
	Организация	33
	Терминология	33
	Методы суфийского обучения	35
	Современные суфии об ученых	41
	Суфийские места встреч	43
	Конец ознакомительного фрагмента.	45

Суфии – мысль и действие

1

Суфийские духовные ритуалы и верования Идрис Шах

Суфийские духовные ритуалы и верования

Цель суфийского учения

Цель суфийского духовного учения можно выразить так: помощь в очищении индивидуального сознания, чтобы оно смогло отразить сияние Истины, от которой человек отгорожен своей обычной мирской деятельностью.

Термин, которым обозначается просветление или сияние, – *Анвар*.

Мистицизм – это не магия

Как утверждается, например, в книге *Zia al Qulub* и в других произведениях суфиев, мнение, будто мистик желает или способен достичь тождества с Богом, в смысле обретения божественных атрибутов или сил, является ошибочным. Такое представление основано на магическом, а не на мистическом мышлении.

В обыденной речи, так же как и в умах многих людей, которым следовало бы лучше в этом разбираться, понятие «мистическое» связано с чем-то запутанным, недоступным пониманию. Это второстепенное значение данного понятия, своим существованием, разумеется, обязано одному только «неосознаваемому невежеству».

Суфии добиваются ослабления влияния «материальных атрибутов», т.е. всего, что стоит на пути высшего понимания.

Многое же из того, что религия, построенная на повторах и упрощениях, выдает за духовное, при ближайшем рассмотрении обнаруживает свою принадлежность к материальному. Одним из примеров может служить эмоционализм.

Распространенные искажения суфийской мысли

Многие религиозные формулировки, какими бы распространенными и известными они ни были, на самом деле, являются сокращенными и искаженными версиями некоего первоначального учения, совершенно неизвестного тем, кто ныне практикует эти формулировки. Подчас общие черты первоначального учения там все еще различимы, и некоторые примеры этого приведены ниже.

Возврат к примитивному мышлению и желание порядка, нечуждое человеческому уму и часто (хотя и не всегда) ему полезное, – вот основные виновники этого процесса.

Там, где примитивное чувство вступает в союз с такой же примитивной логикой, мы получаем знакомое извращение: веру в то, что, поскольку материальное создает препятствия, поскольку «уничтожение или подавление» материального должно вести к просветлению.

Такое мышление, отнюдь не сулящее ничего хорошего, по существу является магическим.

Омар Хайям указывал на ошибочность подобных выводов, когда (передразнивая глупцов) писал: «Если вино – это враг религии, то я поглочу врага религии».

Вполне объяснимо, что эта фраза была неправильно истолкована узкомыслящими буквалистами. Они вообразили, будто Хайям сам отвергает религию. Поэт был юмористом, тогда как буквалистам часто, а, возможно, и всегда, чувства юмора не хватает.

Умерщвление плоти не только не освобождает от пут материального мира, но вероятнее всего, либо вызывает расстройство рассудка и повергает в иллюзии, либо развивает мазохистский вкус к страданиям, от которых человек, разумеется, начинает получать удовольствие.

Удаление того, что изолирует от истины

«Полировка зеркала» или «удаление пыли» – суфийские термины, обозначающие процесс освобождения от тех элементов, как врожденных, так и приобретенных, посредством которых «мир» изолирует человечество от Великой Истины.

Суфии далеки от того, чтобы строить на фундаменте обусловленных верований; обычно они начинают с детоксикации ума от вредных, лишенных жизненности и других мнимо важных иллюзий, фиксаций или эмоционально заряженных идей.

Согласно суфизму то, что в человеке способно воспринять объективную Реальность, – это его душа (*рух*). Материальностью же называется все, что отягощает душу.

Душа представляется как часть единого «моря», «Моря Покоя», на поверхности которого зыбь, волны и шторм отражают влияние материализма, привязанность к объектам и негативное мышление.

Указывая на изначальное единство бытия, Руми в первой книге *Маснави* сказал:

Мы были огромны, и все мы были единой субстанцией.
Без головы или ног все мы были одной головой.
Мы были единой Сущностью, подобной солнечному сиянию:
Не завязанные в узлы и чистые как вода.

Проникновение гордыни в религию

Материализм, привязанность к вещам, включает в себя также и гордыню: когда люди получают удовольствие или даже испытывают восторг от мысли, что они добры или религиозны. В обычных религиозных кругах стало уже настолько привычным не проводить никакого различия между людьми духовными и теми, кто обманывает самих себя, что суфийское учение, касающееся этого различия, является очень важным, как постоянное напоминание об этой проблеме и как способ исправления. Чем больше гордыни в людях, тем больше им не нравится это напоминание. В результате, следуя типичному образцу, они атакуют суфиев, а не свою собственную проблему.

Их проблема – та самая проблема, которую давно уже распознали психологи, но когда ее переносят в область риторики или теологии, она часто ускользает от анализа.

Последствия этого простираются от простого игнорирования самой проблемы вплоть до поистине изощренных форм злобы против тех, кто ее поднимает, что снижает вероятность правильного циркулирования информации.

Для демонстрации этого недуга можно экспериментально спровоцировать в людях серьезную враждебность. Я, например, неоднократно выводил из себя «специалистов», рассказывая им анекдоты, а других, им подобных, приводил в восторг, изображая то, что сегодня модно называть значимостью.

Каждый человек знаком с ханжами, ставшими таковыми в результате материализма, а также с теми, чья гордыня так велика (из-за чего, с точки зрения суфиев, их даже нельзя назвать духовными людьми), что они воображают, будто только они правы или только их форма веры является абсолютно истинной.

В кажущемся парадоксе, рассчитанном на интеллектуалов, Мирза Абдул Кадир Бедиль настаивает на том, что реальное знание значительно превосходит механическое, и даже духовно невозрожденные могут, в конце концов, прийти к нему, если найдут путь:

Ты лучше всего, что понимает твой интеллект,
И ты стоишь выше всего,
Чего достигло твое понимание.

Суфий утверждает, что воспринимает Реальность, лежащую за пределами внешней формы, в отличие от тех, кто просто фиксируется на форме. Форма полезна, но она второстепенна. Как говорит великий представитель суфизма Ибн ал-Араби в произведении «Толкователь желаний»:

Сердце мое способно теперь принять любую форму:
То оно – лужайка, где пасутся газели, то христианский монастырь, где живут монахи;
Иногда – капище [язычников], а иногда – мекканская мечеть, куда стремятся паломники;
То оно превращается в Скрижали иудейской Торы, то в свитки Корана;
Я следую вере Любви, куда бы ее горние тропы ни вели моего коня, ?
В этом моя религия и моя вера.

Отрывок этот весьма драматично иллюстрирует, что религия и вера мистика совершенно отличны от того, что исповедуют люди, обремененные с внешними атрибутами, теми атрибутами, которые кажутся невеждам религией.

Суфийский путь опирается на знание и практику, а не на интеллект и слова. Как сказал принц Дара Шикох в своей поэме на персидском языке:

Хочешь присоединиться к Зрящим?
Тогда переходи от разговоров к опыту.
Рассуждая о «Единстве», тебе не стать монотеистом,
Во рту не слаще от слова «сахар».

Некоторые люди верят, что восприятия Истины можно достичь с помощью самостоятельных усилий. Они воображают, что в результате неколебимой верности определенным практикам, следуя правилам, установленным экспериментаторами или – того хуже – представляют собой всего лишь какие-то фрагменты целого, человек может совершить путешествие Души или хотя бы продвинуться на пути.

Сказать – это одно, другое – сделать. Попробуйте-ка, к примеру, поднять себя за волосы.

Изучение соответствующих отрывков из литературы может обеспечить необходимую основу; это может быть существенным предварительным условием, подготовкой, но, как и в любой специализации, на определенной стадии обучения необходим тот, кто может протестировать обучающегося, назначить ему курс обучения. И курс этот должен быть правильным образом пройден учеником.

Мышление, противоположное «магическому» подходу, в действительности уже дает о себе знать. Если все дело в магических процедурах, то зачем существует такое множество формулировок? Если путь был установлен раз и навсегда, то откуда необходимость в последовательном появлении различных учителей? Зачем нужно снова изобретать колесо, если путь этот

так удобен и последователен, в чем нас с легкостью убеждает наше примитивное стремление к систематизациям?

Постоянное появление новых формулировок, повторно возвращающих учение к его центру тяжести, само по себе настолько соответствует определенному повторяющемуся образцу, что те, кто в должной мере преодолели в себе жадность и нарциссизм, в самом существовании упомянутого образца увидели, что в нем-то и заключен центр тяжести.

Ментальность многих претендентов на метафизическое обучение разоблачает себя, когда, встречаясь с таким заявлением, они требуют, чтобы их допустили к следующей стадии, наступающей после чтения или формального изучения, вместо того, чтобы обратиться к суфию и узнать, готовы ли они для дальнейшего развития, в том ли направлении они двигались в своем изучении, адекватным ли было их чтение и ознакомление с определенными концепциями.

Джалаладдин Руми в *Маснави* говорит о «линии» направления к Истине, которая ведет в «точку», являющуюся Истиной:

Знание Истины – точка, мудрость суфия – линия;
Из существования точки проистекает бытие линии.

Путаница, созданная учеными и популяризаторами

Ученые, так же как и популяризаторы, полагаясь на свои наблюдения или письменные описания практических процедур (и желая дать оценку суфийской «системе» развития), смешали эти процедуры в одну кучу и вообразили, что они имеют дело с какими-то постоянными величинами. Такой подход не эффективен. Он делает описательную литературу и академические работы бесполезными. Ученые и другие внешние наблюдатели не проводят различий между подлинными процедурами и теми, что уже истощили свою полезность, между существенными практиками или концепциями и практиками и концепциями локальными, либо рассчитанными на определенный период времени.

Они также не способны увидеть личностный элемент – то, как может иногда отличаться позиция и потенциал разных людей, вовлеченных в изучение.

Легко увидеть, откуда взялось это непонимание. Схоластические ментальность и методы, а также линейное мышление были применены к изучению явлений совершенно иного порядка.

Суфийский руководитель

Взыскующим Истины должен руководить наставник. Стадия, на которой это руководство может начаться, почти никогда не известна будущему студенту. Те, кто говорят: «Я готов к обучению», или: «Я не готов к обучению», имеют одинаковые шансы ошибиться или оказаться правыми в своих предположениях. И все же взыскующий должен стремиться, не думая, что он ничего собой не представляет и, одновременно, не «взбираясь на трон». В *Письмах* Руми на персидском языке я обнаружил следующее двустишие:

Если не можешь подобно королю восседать на троне,
Привяжись, как походный кувшин, к королевскому шатру.

Суфии единогласны в том, что Руководитель (шейх) абсолютно необходим, хотя в ответ на требование изучающего не доступен: «Суфии не купцы». Многие суфии и вовсе не являются руководителями. Как в любой специализации, обучение – это призвание, раскрывающееся только в тех, кто способен к осуществлению связанных с ним функций.

Суфий может осуществлять в «миру» функции, не воспринимаемые другими людьми. Он (или она) может превосходить своим рангом учителя и при этом не иметь миссии обучения.

Концепция, согласно которой учитель принадлежит к наивысшему уровню, какого только может достичь человеческое существо, появилась откуда угодно, только не из суфизма. Суфии существуют не для того, чтобы вести других к просветлению; в тех случаях, когда они осуществляют иерархические функции, они делают это для иных, не связанных с обучением целей. Возможно, никогда не покидающее человека чувство собственной значимости и поощряет в нем предположение, будто суфийский учитель – это величайшее человеческое существо. Если индивидуум предполагает, что нет ничего важнее, чем он сам, и нет цели более высокой, чем его собственное благополучие, тогда понятно, откуда взялось это необоснованное предположение.

Некоторые придерживаются мнения, что суфийский путь не отличается от пути Ислама, но следует эзотерическому значению Корана, который содержит также и эзотерический смысл, вытекающий из его буквального понимания. Поэтому Газали или Абу Ханифа (основатель одной из основных ортодоксальных школ Ислама) одновременно могли быть и мусульманами, и суфиями.

Некоторые суфийские авторы обращают внимание на вневременную природу суфизма («до того, как человек был, мы были»), но среди них нет ни одного, кто считал бы, что суфийская мысль отсутствует в какой бы то ни было законной религиозной формации.

Есть множество мистических отрывков в мусульманской Священной Книге, а также и в Преданиях о Пророке. Вот один из них: «Мы ближе к нему (человеку), чем его яремная вена»; а вот другой: «Он с тобой, где бы ты ни был», и еще: «Он в ваших собственных душах, но вы не воспринимаете Его».

Это, конечно, относится к общим утверждениям, но суфийские представители обращают внимание на сурю XVIII (стих 65 и далее), как на близкую аналогию с суфийским учением и учителями. В этой суре Учитель, обладающий особым знанием (многие называют его Аль Хидр, Странствующий руководитель) встречает Моисея и преподает ему урок, смысл которого в том, что у жизненных событий, помимо их внешнего и очевидного смысла, есть иные значения, а такой подход и есть классическое суфийское воззрение.

Моисей попросил незнакомца научить его истине, на что человек этот сказал ему: «У тебя не хватит терпения, чтобы следовать за мной!» Моисей, однако, стал настаивать, пообещав во всем повиноваться этому человеку.

Они пустились в путешествие, – ибо суфии называют следование по пути *Путешествием*, – после того как Учитель взял с Моисея обещание, что тот будет во всем повиноваться ему, терпеть и не задавать вопросов.

Первым путешествием на из пути была ситуация с лодкой, днище которой учитель продырявил. Моисей выразил недоумение, зачем тот сделал это, ведь люди, которые в ней окажутся, могут утонуть. «Воистину ты поступаешь очень странно!» – сказал Моисей.

Руководитель ответил ему: «Разве я не предупредил, что тебе не хватит терпения следовать за мной!»

И далее по тексту:

Сказал Моисей: «Не осуждай меня за забывчивость и не опечаливай сердца моего, создавая мне препятствия».

И они вновь продолжили свой путь, пока не повстречался им мальчик, которого учитель убил. И сказал Моисей: «Ты убил невинного человека, который никого не убивал? Поистине ты совершил злодеяние!»

И ответил ему Учитель: «Не говорил ли я, что не хватит тебе терпения следовать за мной?»

И снова Моисей пообещал хранить молчание, дав слово, что если он еще раз спросит учителя о его действиях, то должен будет безоговорочно уйти.

И они отправились дальше, пока не пришли к одному городку, у жителей которого они попросили какой-нибудь еды, но жители отказали им в гостеприимстве. В том городке они увидели старую стену, которая вот-вот могла упасть, но Учитель укрепил ее. Моисей, не в силах более себя сдерживать, упрекнул Учителя за то, что тот помог людям, лишенным милосердия.

Тогда таинственный Учитель сказал: «На этом мы должны расстаться. А теперь я истолкую тебе то, на что у тебя не хватило терпения».

И он объяснил, что лодка принадлежала бедным людям. Выведя ее из строя, он сделал ее ненужной королю, захватившему власть в стране и приказавшему своим солдатам отобрать у населения все лодки. Когда тиран будет изгнан с той земли, бедняки смогут починить свою лодку и прокормить себя с ее помощью.

Что касается мальчика, то ему, если бы он вырос, суждено было стать опасным преступником. А стена принадлежала двум мальчикам-сиротам, жившим в том негостеприимном городе. Под этой стеной был зарыт клад, который по праву принадлежал этим детям. Их отец был добродетельным человеком. Господь пожелал, чтобы мальчики, став взрослыми и сильными, получили свое наследство. «Все, что я сделал, – сказал Учитель, – я делал не для себя. Таково объяснение тех событий, осмыслить которые у тебя не достало терпения».

Эта метафорическая история очень точно передает то, каким путем суфийский учитель осуществляет в жизни свои функции. Заметьте, что если ученик не способен следовать за своим мастером, его придется изгнать. Сколько бы он не старался, он остается на своем собственном уровне.

Некоторые теологи могут приводить аргументы в пользу того, что Моисей, чтобы выполнить свою пророческую миссию и передать людям духовные практики и принципы поведения в миру, составляющие сущность определенной религии, конечно же был просветленным. Но это только те теологи, которые признают мистицизм. Многими же ортодоксальными теологами большинства религий мистицизм предается анафеме. Как сказал Ахлак-и-Мохсини:

Птица, никогда не знавшая чистой [пресной] воды,
Круглый год макает свой клюв в соленую воду.

Чистая вода – это технический термин, имеющий специфическое значение для суфиев.

Услышав или прочитав эту историю, многие люди задаются тайным или явным вопросом, должны ли они доверять учителю до такой степени. Другие спрашивают себя: а должны ли они вообще ему доверять. Суфийский ответ на это прост: без такого доверия никакое обучение невозможно. Хуссейн Ваиз Кашифи, в книге «Свет Канопуса», говорит:

Кто не видел лица веры, – ничего не видел.
Кто не обрел удовлетворенности, – ничего не обрел.

Некоторые авторы в своих разъяснениях идут еще дальше, рассуждая так: «Человек, независимо от того, отдает он себе в этом отчет или нет, каждую минуту своей жизни доверяет себя кому-то или чему-то. Он верит, что пол под ним не провалится, что поезд, в котором он едет, не потерпит крушения, что оперирующий его хирург не убьет его и т.д.»

Кое у кого может возникнуть на это следующее возражение: «Мы доверяем себя всем этим вещам и людям, потому что у нас есть основания полагать, что они нас не подведут». Суфийские апологеты могли бы ответить такому человеку, что точно в таком же положении находятся и ученики суфия. Только недумающие и невнимательные люди не замечают этого.

Суфии традиционно живут среди тех, кого учат, они ведут себя добропорядочно и честно, поступая всегда в соответствии со своими словами, выполняя свои обязательства, пока они, подобно полу, поезду или хирургу, не заслужат достаточного доверия тех, кто с ними общается. В зависимости от природы тех людей, жить среди которых им предназначено судьбой, на это

может уйти тот или иной отрезок времени. Никто из суфиев никогда не выразит на этот счет сожаления, даже если срок этот будет исчисляться десятилетиями, хотя люди, претендующие попасть в ученики, возможно, и будут сетовать. Последним, подобно Моисею, не достает терпения, которое одно только может преодолеть их подозрительность. Если даже их не отвергает учитель, они отвергают себя сами. Человек не может учиться у того, кому не доверяет. И все же множество людей, опять-таки в результате самообольщения, «следуют» за теми, кому не вполне верят. По мнению суфиев, такие люди, пребывая в таком состоянии, могут быть последователями, но не могут стать учениками.

Необходимость для учащегося учиться тому, как учиться

Суфии пользуются некоторыми поразительными аллегориями, созданными специально, чтобы одновременно указать и Путь, и ситуацию человечества, абсолютно невежественного в том, что касается Пути. Каким, например, видит суфий обычного человека, бредущего по дороге жизни?

Одно такое сказание, иллюстрирующее «взгляд из другого мира» относится к серии коротких историй о мулле Насреддине, который берет на себя роль человека, пытающегося, как и все мы, понять смысл жизни, тогда как Реальность совершенно не совпадает с его представлениями о ней:

Насреддин – глупого юношу, мать посылает на базар продать сотканный ею кусок ткани. По пути в город Насреддин встречает другого путника, и вскоре между ними завязывается оживленная беседа. Молодой Насреддин несет такую несуразицу, что его собеседнику становится ясно: этого парня можно облапошить.

«Отдай эту ткань мне, – говорит он, – ведь самому тебе она не нужна».

Но Насреддин себя дураком не считает и отвечает так: «Не спеши, дружище. Моя мать велела мне продать эту ткань, потому что ей нужны деньги. Мы, знаешь ли, люди бедные. Было бы совсем легкомысленно просто отдать ее тебе».

«Ладно, – говорит человек. – Я дам тебе за нее двадцать серебряных монет. Правда, у меня с собой денег нет, но в следующий раз, когда мы встретимся, я тебе обязательно заплачу».

Целых двадцать монет! «Это же настоящая удача, – думает Насреддин, так как мать сказала ему, что самое большее, что он может выручить за ткань, – это три монеты».

«Так и быть, забирай ее, – говорит Насреддин, добавляя при этом, – но считай, что я себя ограбил». Эту фразу он не раз слышал от купцов при завершении сделки.

«Ну что ж, – говорит человек, – тогда я пошел».

«Постой, – говорит Насреддин, осененный новой мыслью, – сначала скажи мне свое имя, чтобы я мог снова найти тебя».

«Нет ничего проще, – отвечает человек. – Я – это я, вот кто я есть...»

Довольный совершенной сделкой, Насреддин возвращается домой и рассказывает матери обо всем, что с ним произошло...

«Дурачок! – восклицает мать. – Каждый человек называет себя «я». Ты – это «я» по отношению к себе самому, я – это «я» по отношению к себе, и, точно также, тот человек тоже «я»».

«Все это для меня слишком сложно, – говорит Насреддин. – Но завтра я пойду, найду этого «я», и он мне заплатит».

На следующий день Насреддин снова выходит из дому и направляется на базар. Пройдя полпути, он наталкивается на человека, сидящего в тени под деревом. Насреддин, будучи туповатым, забыл, как выглядел человек, которому он отдал материю. «Этот человек вполне может быть тем самым, кого я ищу», – соображает Насреддин и, чтобы действовать наверняка, решает испытать его.

«Ты кто?» – спрашивает Насреддин.

Такой вопрос в лоб отнюдь не по душе человеку, и он отмахивается от Насреддина, добавляя при этом: «Не твое дело. Иди своей дорогой!»

Насреддин, воспитанный своей матерью в лучших традициях добропорядочности, считает, что люди должны всегда вежливо отвечать на вопросы. А этот человек ведет себя неподобающе. Насреддин хватает с земли здоровенный камень и замахивается на незнакомца.

«Отвечай, кто ты, потому что мне кажется, что ты и есть «я»!» – восклицает Насреддин.

«Ладно, – отвечает напуганный человек. – Если тебе так хочется, то я – это «я»!»

«Так я и думал, – говорит Насреддин, – а теперь отдавай мне двадцать серебряных монет».

Человек, убежденный, что перед ним опасный безумец, бросает на землю двадцать серебряных монет и убегает со всех ног, радуясь, что легко отделался.

По поводу этой истории заметим, что ученые игнорируют или презируют Насреддина, а помпезные богословы просто ненавидят его, потому что у них отсутствует чувство юмора.

Однако проницательному читателю эта история помогает почувствовать вкус суфийского взгляда на жизнь, мысль и действие, увидев абсурдность предположений человека, проявляющихся в его поступках.

Слово, часто используемое для обозначения ученика – это Искатель (салик). Те, кто только практикуют суфийские упражнения или интересуются суфийскими вопросами, но не достигли конца Пути, не могут называть себя суфиями. «Суфий» – это название Реализованного Человеческого Существа. Как гласит суфийская фраза: «Тот, кто называет себя суфием, не суфий». При этом мир кишит людьми, именующими себя суфиями. Таких самозванцев всегда было полным полно во все времена.

Четыре основных состояния человечества

Суфии говорят о четырех основных состояниях, в которых может находиться человек. Эти состояния, или стадии, называются по-разному, и ниже приводится пример такой классификации:

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО (обычное состояние)

УЧЕНИЧЕСТВО (нахождение на Пути)

СОСТОЯНИЕ РЕАЛЬНОЙ СПОСОБНОСТИ (начало прогресса)

СОНАСТРОЕННОСТЬ С БОЖЕСТВЕННЫМ (конечное состояние)

Аллегорически они помечаются как:

ЗЕМЛЯ

ВОДА

ВОЗДУХ

ОГОНЬ

Отличительным признаком стадии «Человечество» является отсутствие гибкости: человек прикован к 'земному' поведению и связан привычкой или приученностью к определенным верованиям. Отсюда символ этой стадии **ЗЕМЛЯ**: статичное состояние. Оно известно также как состояние подчиненности Закону, когда люди действуют в соответствии с почти неотвратимыми правилами. В этих правилах можно увидеть результат взаимодействия унаследованной человеком внушаемости и системы внушения, как таковой. Большая часть людей пребывает в этом состоянии. Поскольку эта стадия характеризуется относительной неподвижностью, она называется стадией 'Минерал'. На этой стадии находится и основная часть людей, воображающих себя духовными, но в действительности являющихся глубоко обусловленными личностями.

ВОДА – это стадия, когда индивидуума принимают на Путь, и он может развивать некоторые способности, которые ведут к самореализации. Это, к тому же, стадия потенциальности. Поскольку на ней начинается некоторый рост и движение, подобные движению и росту растения, появляющемуся из земли, суфии также называют ее ‘Растительной’.

ВОЗДУХ – состояние, в котором развивается реальная способность, в отличие от способности к простому движению, и это различие подобно тому, что отличает животное от растения. Отсюда и символ этой стадии – ‘Животная’.

За ‘Животной’ стадией следует ‘Человеческая’. Поэтому четвертая стадия называется стадией ‘Человека’ и соответствует ОГНЮ.

Говорят, что именно на эту древнюю формулировку, все еще применяемую суфиями, ссылается Новый Завет в тех местах, где используются понятия: Вода, Дух и Огонь. Суфийское понимание этих категорий весьма отличается от интерпретации, принимаемой без всякого исследования христианами теоретиками и учеными. Для суфиев церемония крещения водой – это церемония, подтверждающая потенциальность (крестящихся) для Первого Опыта (‘Вода’). Сохранились останки этого ритуала, хотя и в сокращенной форме, в словах Иоанна Крестителя: «Я крещу вас водою...».

Иоанн продолжает в том же отрывке: «... но идущий за мной будет крестить вас пневмой [воздухом, Святым Духом] и огнем...».

То, что инициации (опыты) идут в необходимой последовательности, подтверждается в Евангелии от Иоанна (3, 5): «Если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие». Итак, это высказывание в суфийских терминах дает имена и порядок последовательных инициаций, соответствующих все укрепляющимся способностям к восприятию: вода (очищение от ‘этого мира’), воздух / Святой Дух (понимание) и огонь – ‘Царство Божие’ (высшее сознание, осознание Истины).

На языке суфиев данные четыре стадии понимаются следующим образом:

- пребывание в контакте с обычным человечеством и сопричастность его природе и поведению;
- пребывание в гармонии с обучающим мастером;
- пребывание в контакте с основателем Учения;
- пребывание в гармонии с Абсолютной Истиной.

Возможно, из-за отмеченного выше соответствия между суфийскими идеями и концепцией христианства, как оно здесь представлено, а также потому, что Иисус пользуется у суфиев высоким авторитетом и считается Главой Пути, суфиев часто обвиняли в том, что они ‘тайные христиане’. Однако суфии не признают взаимосвязи между ритуализмом низкого уровня, приблизительно идеями и внешней формулировкой.

Суфизм, говорят они, это то, что позволяет понять религию независимо от ее современной внешней формы.

Индуистские и иудейские мистики также подтвердили, что в своих религиях обнаружили ‘внутренние измерения’, аналогичные суфийским. По этой причине в средние века, и позднее, люди, выросшие в названных традициях, применяли в своих произведениях суфийские формулировки.

Типичный для профессиональных ученых склад ума и их приверженность к последовательному мышлению заставил и этих вполне уважаемых людей затратить уйму времени на отыскание ‘суфийских влияний’ в трудах различных мыслителей прошлого, при этом они исходили из предположений превосходства одной культуры над другой или опирались на известную теорию литературных заимствований. Они более преуспели в описании собственных способов мышления, чем в освещении своих тезисов.

Четыре уровня восприятия

Четыре уровня восприятия, опять же соответствующие вышеописанным четырем стадиям, согласно суфийским формулировкам, таковы: КОНЦЕНТРАЦИЯ, ОТРЕЧЕНИЕ, ВОСПРИЯТИЕ, АБСОЛЮТНОЕ ЗНАНИЕ. Состояние взыскующего изменяется по мере того, как он восходит по Лестнице из четырех ступеней: сначала он *Абид* [поклоняющийся], затем *Захид* [отрекающийся], далее он *Ариф* [познающий] и, наконец, – *Муххиб* [любящий]. ЛЮБОВЬ – слово, используемое для обозначения высочайшей стадии развития.

О понимании и неправильном понимании термина ‘любовь’

Такое использование слова ‘Любовь’ суфиями (и другими) породило у буквалистов, а также эмоционалистов представление, что некое состояние смущения, напоминающее романтическую любовь или влюбленность, и есть то, что имеют в виду суфии, применяя этот термин.

Согласно суфиям такое использование технического термина ‘Любовь’ в формальной религии может даже быть частью ‘проверки’. Эта проверка становится очевидной, если придумать над предписанием «Возлюби Господа твоего...». Довольно скоро становится ясно, что, вероятно, никто не сможет полюбить *по приказу*. Поэтому говорится, что «Возлюби» здесь означает нечто совсем иное, чем приказание. Полагают, что ‘Любовь’ понимается здесь как цель.

Подобная ‘проверка’ содержится и в заповеди «Возлюби ближнего твоего, как самого себя». Поскольку любовь к себе не особенно похвальное чувство, такая фраза не может означать то, что передают ее слова буквально, – если, конечно, не принимать в расчет совершенно безнадежные случаи.

Далее, поступать с другими так, как желаешь, чтобы они поступали с тобой, – следующий пример такого же рода. Как подсказывает опыт всякого человека, никто не может быть уверен в том, что желаемое им для себя является для него наилучшим, из чего следует, что заповедь эта должна содержать какой-то иной смысл. Скажем, был бы прав некто, пожелай он того же самого другому?

Утраченное понимание священных текстов

Священные тексты изобилуют тем, что ранее использовалось как учебный материал, предназначенный для обдумывания. Эти материалы выродились в лозунги и девизы, вызывающие либо безусловное одобрение, либо недоумение, в зависимости от того, кто с ними сталкивается. Еще один пример того же рода на этот раз из Ветхого Завета – суд царя Соломона. Несмотря на то, что эта история используется в ее буквальном смысле, минутное размышление подскажет любому человеку (особенно женщине), что такого события быть не могло. Найдется ли, существовал ли когда-нибудь хоть один человек в мире, а точнее – женщина, которая подставила бы подол своей юбки, чтобы получить половинку младенца? Если такое и могло произойти, то случай этот, приводимый в качестве универсального, на самом деле является не чем иным, как отдельным инцидентом, относящимся к разделу патологической психологии. Очевидно, смысл этого рассказа, если над ним серьезно задуматься, связан с чем-то совсем иным.

Число таких примеров можно множить, но здесь они приведены лишь в качестве иллюстрации того, как легко внушаются причудливые понятия, и поддерживается мысль об их значимости, а уж заучивание подобных отрывков просто абсурдно.

Суфийский пояснительный текст *Смысл Пути*, автора Калими, так освещает затронутые вопросы:

Путь посвящения, на котором индивидуум может достичь возможного для него статуса, если желания его чисты, называется *Идхал*, Повеление Вступить [на Путь].

Путь состоит из трех частей. Он должен начаться под руководством того, кто уже прошел Путь. Этот человек, чтобы возвысить тех, кто находится на самом низком уровне, должен войти в контакт с ними. Он объяснит им абсурдности, содержащиеся в механически почитаемых ими формулировках. Низший уровень назван 'Землею', что означает пассивность и фиксированность состояний тех, кто находится на этой стадии. Следующие стадии таковы:

Вода

Воздух

Огонь

Термины эти выбраны отчасти потому, что они последовательно представляют стадии в порядке возрастания очищенности или уменьшения плотности. Использование их духовными алхимиками слишком очевидно, чтобы здесь требовались какие-либо комментарии.

На стадии 'Земля' люди все еще связаны с грубыми элементами материальности, мышления и поведения, так же как и с грубыми аспектами друг друга, которые некоторым образом препятствуют развитию их понимания. В эту категорию входят обычные ученые, склонные к таким мелким эмоциям, как зависть и прочие субъективные чувства, которые суфии (именно поэтому, а не только по социальным причинам и из соображений благочестия) порицают.

Стадия 'Вода', которая в некоторых традициях также символизирует очищение, наступает, когда учитель в состоянии соединить водный (то есть подвижный и очищенный) элемент в ученике с 'водой' в ином смысле. Эта 'вода' является тонкой духовной субстанцией, по природе своей напоминающей некий вид энергии. Когда такое становится возможным, проявляется 'подвижность'. В процедурных терминах это означает стадию, на которой через посредничество учителя связываются высшие элементы ума и индивидуальности ученика. Именно этого пытаются достичь в тех религиях, где есть институт священничества, однако исходные знания этого процесса во всех организованных религиях к настоящему времени утеряны.

После завершения (*дараджа*) [стадии 'Воды'] достигается стадия 'Воздуха'. На ней сознание индивидуума (или группы, если таковая имеется) восходит к восприятию истинной Реальности, более высокому, чем это возможно на стадии 'Воды'. Говорится, что приобретаемый здесь опыт делает весь опыт предыдущий чем-то весьма незначительным.

На всех указанных стадиях кандидаты не могут переходить с одного уровня восприятия на следующий до тех пор, пока не будут 'готовы'. Готовность является знаком достоинства и не зависит от менее значимых критериев, таких как затраченное время или старшинство.

При этом суфии выбирают учеников таким образом, чтобы они воздействовали друг на друга, тем самым делая процесс обучения более эффективным. Так происходит группирование людей вокруг учебы. Суфийский 'поток' может протекать и между членами группы, которые формально даже не встречаются друг с другом.

'Вода' не способна правильно очистить без намеренного усилия со стороны очищаемого человека. Усилия ученика по мере его продвижения становятся интенсивнее. Хотя его усилия могут казаться непрерывными или, напротив, спонтанными, для возникновения на каждой стадии правильной гармонизации требуется, чтобы все члены группы (*халка*, *тайфа*) были приведены в состояние правильного созвучия.

Незрелые (*Хам*) индивидуумы, все еще страдающие от сугубо материалистического мышления, могут возмущаться тем, что им приходится ожидать других, пока те добьются определенного прогресса, прежде чем сами они смогут извлечь из своей учебы пользу. Они не замечают, что другие тоже ждут их продвижения.

С достижением уровня 'Воздух', учитель, взяв на себя роль проводника, перемещает сознание ученика от себя ко всем субстанциям этого уровня, к сознанию всех учителей и всех

святых, и процесс, таким образом, продолжается, пока сознание не достигает уровня 'Огня'. Это высочайшее сознание – гнозис – обычными словами описывается, как контакт с Божественным. На эту же стадию ссылаются как на 'смерть до смерти'. Если учитель, как бы от имени своих учеников, сам не пройдет через эту 'смерть', он не сможет и их провести через нее и будет не в состоянии открыть им ее возможности.

Знали бы ученики, какие величайшие затрачиваются усилия и на какие жертвы идет прежде всего учитель, чтобы выдержать эту 'смерть' ради пользы учеников.

Шабистари в *Тайном Саду* говорит:

Совершенный Человек – тот, кто в своем совершенстве
Благодаря своему Мастерству выполняет работу раба.

Обет Ученичества

Принятие Искателя [в ученики] в традиционных суфийских кругах начинается с того, что Искатель берет на себя обет (*Байат*). Искатель помещает свои руки между ладонями Руководителя. Это знаменует начало Взаимного Обета: Искатель, со своей стороны, берет на себя обязательство принять Руководителя, а последний соглашается принять Искателя в Ученики.

Многие имеют поверхностные или сентиментальные представления об этом Обете. Это не простая формальность, не что-то такое, что человек принимает на себя легкомысленно, эмоционально или по требованию. Взыскующий может попросить Руководителя принять его в ученики, но Руководитель, со своей стороны, не может принять искателя, пока не будет уверен, что Искатель способен выполнить взятое на себя обязательство.

Чтобы прийти к такому состоянию, человеку, возможно, понадобится некоторое время, или он может не прийти к этому состоянию вообще. Сам Искатель может думать, что он в состоянии выполнить любые указания Руководителя, но именно на Руководителе лежит ответственность за то, что Искатель справится с этим. Если одна из сторон не уверена в способности выполнить взятые на себя обязательства, заключение контракта между ними невозможно. Для Руководителя принятие Искателя на любых других условиях было бы неправильным. Более того, это продемонстрировало бы некомпетентность предполагаемого Руководителя.

Отсюда следует, что стадия, *предшествующая* принятию [в ученики], является наиболее важной и может составлять самый длительный период послушничества. Руководитель может согласиться предоставить претендующему Искателю возможность стать учеником. Он может потребовать от него (или от нее) читать, выполнять упражнения, совершать путешествия, осуществлять различную работу, письменно или устно описывать свои реакции на обучающие материалы. В отличие от того, что преследуется в других системах, такие указания не являются тренировкой. Это представляет собой различные способы упражнения человека в гибкости, которой почти каждый человек лишился в результате двойного воздействия природы и собственной обусловленности, т.е. влияния «мира», иногда называемого Земной Болезнью.

Именно в этот первоначальный период, большинство людей отпадает от Учения или теряет к нему интерес, ими начинают завладевать более увлекательные идеи. Как правило, к этой же категории принадлежат люди, основавшие свои собственные культы. Истощенные недостатком пищи для своего тщеславия, лишенные возможности получать ощущение собственной важности, которая вздувает их второстепенные «я», ограниченные в возможностях доминировать над другими или находиться под властью других – большинство людей, в той или иной степени, начинает жаждать именно чего-либо из этого или даже всего этого вместе.

Системы предположительно суфийского толка, которые с порога погружают начинающего в выполнение упражнений, являются либо фальшивкой, либо имитацией. Они не суфийские, хотя из-за их многочисленности и распространенности, возникло убеждение (среди

Восточных и Западных ученых), что они представляют Суфизм. Литература по востоковедению и исторические документы полны сведений именно о них. Хотя люди подозревают об их истинном происхождении, или оно совершенно очевидно, «специалисты» все-таки воспринимают их всерьез, возможно потому, что интеллектуальный или эмоциональный характер этих подделок подсознательно привлекает педантичные умы ученых.

Суфий, обладая знанием состояний, должен помочь обучающемуся, стабилизировав эти состояния, сгармонизироваться с объективной реальностью. Поэтому Аль Мугри, которого цитирует Худживири (в «*Раскрытии Скрытого*»), говорит:

Суфизм – это поддержание Состояний в отношении Объективной Истины.

Не существует никакого стандартного набора суфийских практик. Причина в том, что учитель предписывает (или вообще не предписывает) упражнения в зависимости от состояния и природы каждого конкретного ученика, а также в соответствии с характером и условиями своей «работы».

Религиозное возбуждение – это не Суфизм.

Собрания предполагаемых Суфиев, где участники синхронно выполняют духовные практики, не являются на самом деле суфийскими, несмотря на то, что люди на таких собраниях могут культивировать в себе религиозное возбуждение. На Востоке таких людей часто называют дервишами.

Поскольку этот вид деятельности, по убеждению многих считается (в ряде вероучений) самодостаточным, то и нам приходится называть таких людей «религиозными». Латинское слово *religare*, «связывать» (если это слово, как убеждают нас некоторые авторитеты, послужило источником, из которого произошло слово религия) красноречиво демонстрирует отнюдь не Суфийское понимание религии, поскольку означает «обуславливать, привязывать к вере».

Такая разновидность религии уже сама по себе несопоставима с гибкостью Суфизма, разрывающего «путы» или «узлы», как это называется в Суфийской терминологии.

Там, где действует обусловленность, сковывающая сила, нечто важное оказывается закупоренным. Хаджи Бекташ из Хорасана отметил следующую проблему, которую каждый из нас неоднократно наблюдал в ситуациях куда более тривиальных, чем вопросы Суфизма:

Для чувствительного человека достаточно и одного знака,
Но невнимательному не помогут и тысяча объяснений.

Посвящение

Обет или Принятие [в ученики] нельзя считать посвящением. Посвящение становится возможным, когда Руководитель воспринимает, что взыскующий готов.

Учитель называется по-арабски *Шейх*, по-персидски *Пир*. Оба слова можно, очень приблизительно, перевести как «старший». Другие титулы, это *Шах* [*Король* – в особенности, если Суфий – Саид, потомок Пророка], *Муришид* [Руководитель] или *Хазрат* [Присутствие].

Когда наступает время для посвящения, Руководитель ведет ученика в *Худжру*, комнату, предназначенную для индивидуальных упражнений. Это обычно изолированное помещение, находящееся в *Ханаке* [монастыре] или где-нибудь еще. Никому, кроме учителя, не позволяется входить в эту комнату без разрешения. Ее, обычно, охраняют ученики, находящиеся перед входом или в прихожей.

В соответствии с некоторыми традициями посвящение, обычно, происходит утром по четвергам или до полудня по пятницам. Ученик, готовящийся к посвящению, выполняет различные подготовительные процедуры, назначенные ему Мастером, в числе которых принятие

ванны и освобождение ума, насколько это возможно, от всех мирских забот – этим он дает знать самому себе и другим о своих намерениях (*Нийам*).

Кандидат садится лицом к Мастеру. Затем Учитель берет его руки в свои ладони и декларирует священный текст, после чего оба они синхронно повторяют молитвенную формулу, скрепляющую клятвой их намерения.

Сразу же по окончании церемонии ученик начинает трехдневный пост, в течение которого воздерживается от еды и питья от восхода до заката. Он молится пять раз в день и концентрируется на смысловых значениях текстов, которые дает ему учитель.

По истечении трех дней, ученик снова предстает перед учителем, чтобы получить *Таваж-жух* (проекция духовных сил на сознание). Внешне это может выглядеть как сидение Мастера и ученика в той же позе и произнесение вслух или про себя молитвенного речитатива.

Такая процедура может повторяться каждые два дня.

На следующей стадии Учитель предписывает ученику *Зикр*, повторение фразы ЙА ХАЙ ЙА КАЙУМ. Эти слова означают: «О, живущий! О вечный!» Повторением Зикра ученик занимается в небольшой комнате, где он в полном одиночестве сидит на согнутых в коленях ногах, руки его находятся на коленях, причем кончики указательных и больших пальцев рук касаются друг друга, образуя круг, тогда как другие пальцы отставлены.

Количество повторений и другие вопросы решаются Учителем в соответствии с его восприятием нужд ученика.

Процедура эта занимает тот или иной период. Время от времени Мастер оценивает прогресс ученика и предписывает ему пост или другие практики.

Все эти действия направлены на то, чтобы оказать влияние на ментальность ученика, как об этом говорится в суфийской фразе: «*Для полировки золота нужны отруби*».

Однако произвольное выполнение упражнений, без «необходимой меры», описывается следующей ситуацией:

«Кто превратит себя в отруби, будет съеден свиньями».

Никогда нельзя путать второстепенное с первостепенным. Руми говорит о раболепном имитаторе: «Он увидел гору, но не заметил внутри нее шахты».

В течение периода, о котором здесь идет речь, ученик пока еще не видит шахты, скрытой в горе. Он может переживать то, что кажется ему духовными состояниями, «просветлением», иметь всякого рода мысли, чувства, опыты. Но все это иллюзорно. Что происходит на самом деле, так это то, что он «изнашивает» свою фантазирующую лживость.

Духовное не может эффективно воздействовать на недуховное. Саади выражает это так: «*Цена пыли, поднявшейся до небес, нисколько не повышается*».

Такие состояния часто возникают и в людях, которые, будучи лишены правильного руководства, верят, что испытывают духовные переживания. Так что подобные иллюзии могут переживаться даже людьми, не находящимися в ученичестве, вот почему и существует множество сообщений о так называемых «высших» состояниях, о них любят поговорить те, кто не обладает специализированным знанием этих вопросов и является все еще слишком «незрелым». В самом деле, такие переживания относительно часто посещают «незрелых» индивидуумов, но исключительно редко возникают в тех, кто уже стоит на Пути.

Это состояние подобно состоянию «случайных искателей», так часто досаждающих истинно духовным людям рассказами о своих «духовных опытах». В глазах Суфиев эти люди заняты в основном тем, что выставляют напоказ собственное тщеславие: им нравится думать, что они проходят через мистический или оккультный опыт.

Лживые опыты

Шабистари, как и другие мастера, предостерегает от лжепереживаний, сопровождающихся физическими признаками, которым человек придает большое значение.

Не каждый знает тайны Истины;
Состояния Истины не сопровождаются свидетельствами.

Активизация Тонкостей

Вторая стадия, на которую ученик может вступить только после того, как он показал, что «износил» свои псевдопереживания и больше не испытывает их, связана с активизацией *Лата'уф* [Тонкостей], Особых Органов Восприятия.

Прежде чем развить эту тему, рассмотрим две практики развития, которые могут использоваться перед второй стадией, но только по указанию Руководителя, так как просто выполнять упражнения, не находясь в соответствующем состоянии, чтобы извлечь из них пользу – бесполезно, если не хуже того.

Концентрация

Муракиба – это упражнение, которое можно назвать Концентрацией. Слово означает также «склонить голову в интенсивном размышлении». Голова наклонена вниз, и индивидуум пытается изгнать из ума все мысли, кроме мысли о Боге.

Повторение

Зикр (буквальное значение – «повторение») состоит в том, что искатель повторяет столько раз, сколько ему предписано Руководителем, слово, заключающее в себе некую концепцию. Этой практикой, называемой также *Вирд*, нельзя увлекаться наобум, иначе результатом будет то, что человек станет просто одержим одной концепцией. На Востоке часто можно встретить дервишей, факиров и других случайных экспериментаторов, застрявших на этой стадии. Они постоянно повторяют одно и то же слово и ни на что другое не способны. Многие люди, которых принимают за Суфиев, на самом деле учат этой одержимости.

Согласно Суфиям, причина, по которой люди становятся одержимыми одной единственной идеей (и таким образом обращают цель Зикра в его полную противоположность), состоит в том, что слово, воздействуя на неадекватно подготовленный ум, работает на поверхностном (интеллектуально-эмоциональном) уровне и потому вызывает одержимость или идейную манию.

Чтобы извлечь пользу из Суфийского упражнения ум должен находиться в соответствующем состоянии. Аджнан Вакхани говорит:

Ты же не нальешь чистый нектар в грязный бокал,
Хотя пытаешься вложить священную вещь в свою голову.
В результате ты становишься более странным, чем был до этого –
Еще глубже погружаешься в свои фантазии.
Ты веришь, что испытал связь с Божеством.
Ты говоришь мне: «Неужели свершение благочестивого поступка, –
По сути добронамеренная попытка, –
Может иметь дурные последствия?!»

О, Заблудший! Истинная доброта,
Благочестие и подлинная вера никогда не коснутся тебя.

Другой Суфий выразил то же самое в более сжатой форме: «Суфийские практики любого человека могут привести в Рай, но такой человек уже должен быть невинным. Когда человек пытается использовать Суфийскую духовную практику, будучи сам недостойным, от этого пострадает только он. Так происходит потому, что подобный человек не способен применять практику правильным образом. Делать что-либо, постоянно совершая попытки, – совсем не то, в чем мог бы практиковаться искренний человек».

Латифа – это «чувствительная точка, которую можно высветить или активизировать». Она известна также как орган духовного восприятия. Множественное число «Латифа» – *Лата'иф*. Эти точки в практических целях рассматриваются, как определенные места на теле Искателя. На самом деле, это отнюдь не означает, что точки эти имеют какое-либо физическое местоположение, однако опыт показал, что акт концентрации внимания на определенных областях человеческого тела, при соответствующих обстоятельствах, способствует достижению состояний ума, называемых «Просветлением» (*Таджали*).

Активизация одной или больше Лата'иф (всего их пять) понимается как осознание одного из атрибутов Бога, которые принято обозначать девятью именами. При этом вряд ли кто-то может предположить, что существует арифметическое, то есть некое или ограниченное количество этих атрибутов. Цифры, опять-таки, – только концепция, позволяющая уму приблизиться к Реальности.

Некоторых Суфиев обвиняли в вероотступничестве, им вменялось в вину, что своим ученикам на начальных стадиях послушания они запрещали упоминать имя Бога. Причина такого запрета, однако, станет совершенно ясна и очевидна тому, кто готов поразмыслить над этим вопросом. Многие люди настолько тотемистически, примитивно и суеверно относятся к Божеству, что как только слышат упоминание Его имени, тут же впадают в такое психологическое состояние ума, которое даже ниже их обычного состояния. Для них Бог – это некий идол; в их представлении он всего лишь тот, кого необходимо умилостивить, у кого можно выклянчить всевозможные блага.

Вот почему Баязид Бистами сказал: «Кто знает Бога, больше не говорит: «Бог»».

Другой Суфий сказал: «Найти идолопоклонника можно и среди тех, кто заявляет: «Я не поклоняюсь идолам»».

Известна история об одном почитаемом Суфии, которого арестовали за то, что он сказал: «Ваш бог у меня под пятой!» Когда его привели в суд, Учитель показал, что в его сандалиях лежало по монете. После этого судьям пришлось признать, что у жителей города, в который пришел этот учитель, богом был Маммона; судьям хватило здравого смысла оправдать его, ибо они согласились, что их сограждане были, прежде всего, материалистами.

Идея Бога стала для этих людей тотемом, препятствием к пониманию, так что Суфий подошел к решению их проблемы с помощью шоковой тактики, по образцу, использованному в *Диване Шамса Табризского*, где сказано:

Хотя Кааба [здание] и Замзам [колодец в Мекке] и в самом деле существуют; и хотя Рай и Каузар [небесная река] существуют так же, – они должны быть уничтожены потому, что стали завесой для сердца.

Термин «Сердце» (*калб*) означает гипотетическое место на теле, понимаемое, как точка, расположенная на два дюйма ниже соска левой груди. Пульсацию можно почувствовать именно в этом месте.

Активизация Латаиф ведет к Высшей Святости (*валайят кубра*), по достижении которой Суфий не отрекается от мира, но приобретает качества, делающие его способным отстраняться

от него и оперировать в высших измерениях. Именно на этой стадии говорят, что он достигает духовных сил, способностей, лежащих за пределами достижений или понимания обычного индивидуума.

Считается, что эти силы включают в себя способность контролировать определенные физические феномены. Суфий, которого называют Совершенным Святым (*вали ка-мил*) может исцелять болезни, влиять на отдельных индивидуумов и на целые собрания, может переносить свое сознание из одного места в другое и так далее. Внешними наблюдателями эти действия воспринимаются как сверхъестественные. Они и в самом деле таковы в том смысле, что их нельзя объяснить с помощью обычной логики или физических законов. Но подлинные Суфии не относятся к ним как к чему-то основополагающему.

Чудеса и Святость

Чудеса для Суфия – не свидетельства, а инструменты.

Когда у женщины-суфия, Рабии, не оказалось продуктов, чтобы приготовить суп, несколько луковиц внезапно шлепнулось с неба прямо в ее кухню. Увидев это «божественное чудо», люди были поражены. Но Рабия осадила их, сказав: «Мой Господь – не торговец овощами!»

Случай этот самым непосредственным образом демонстрирует отличие Суфийского мышления от упрощенной, основанной на надежде и страхе, поверхностной религиозности, когда низкие уровни принимаются за высокие. Другой случай, тоже из жизни Рабии, освещает разницу между суфийским и обычным «религиозным» мышлением. Рабия молилась так: «О, Боже, если я поклоняюсь Тебе потому, что желаю Рая, лиши меня Рая; если я поклоняюсь Тебе из страха перед Адом, свергни меня в Ад!»

Очень важный тест для определения адекватности суфийского ученика состоит в том, скрывает ли он чудеса, которые сам совершает или чудесные события, когда они с ним случаются, и остается ли он совершенно незатронутым их влиянием.

Желание и страх, возбуждение и реклама существуют лишь на низком, эмоциональном, а не на восприимчивом, духовном уровне, – возвышенная природа этой концепции является отличительной чертой суфийской работы. В лучшем случае надежда и страх могут сыграть для человека роль прелюдии, подготовки. Тем не менее, многие, так называемые духовные люди считают надежду и страх существенными средствами спасения.

Некоторые якобы суфийские общины придают огромное значение празднествам и местам захоронения святых. В этом отражается искаженное понимание, и нам полезно осознать, откуда взялось это искажение. Первоначально было замечено, что концентрация на «бытии» святого способствует восприятию его природы. Но эта практика предполагала тесную связь с определенной подготовкой. Когда ее стали копировать те, кто не обладал необходимым состоянием и не был соответствующим образом подготовлен, «мир перехватил контроль», и некоторые люди стали просто поклоняться могилам. Вслед за тем последовало нечто уж совсем примитивное, что людям, разумеется, казалось совершенно безобидным.

Эти люди не перестали быть Суфиями, потому что никогда ими и не были. Суфийское название для них – суфисты, те, кто пытается быть Суфиями. Многие такие люди готовы клясться, что никаких богослужений они не совершают, а только лишь чтят память покойного. Но Реальность состоит в том, что они тотемисты, что бы при этом они про себя ни воображали.

Здесь можно увидеть иллюстрацию того, как действует «вторичное я», которое упрямо превращает подлинную религию в идолопоклонство. Подобная практика, далекая от того, чтобы служить путем к просветлению, способствует тому, что человек впадает в суеверие.

Что касается предполагаемых чудес, ассоциируемых с живущими или давно умершими святыми, то чаще всего особое значение им придается во второстепенных источниках или

в среде невежественных дилетантов. В действительности, один из Суфийских принципов, относящихся к ученичеству, состоит в том, что «ученик должен скрывать «чудеса» своего Мастера». Как это не похоже на то, что некоторые высокопочитаемые религиозные деятели считают религией!

Поверхностные мыслители недоумевают, как можно примирить Суфийскую духовность с известной им религией. Некоторые христианские, еврейские и исламские теоретики, в самом деле, заявляли и по сей день заявляют, что такое примирение невозможно.

Они игнорируют историю и не потрудились прочитать произведения своих предшественников. Эта борьба была начата и выиграна Суфиями несколько столетий назад, после того как инквизиторы и подобные им люди обрушились на Суфиев, утверждая, что они еретики и вольнодумцы.

Великих Суфиев, таких как Ибн ал-Араби из Андалузии, обвиняли в отступничестве от Ислама. В случае с Ибн ал-Араби вопрос, однако, был снят, когда великий суфий предстал перед богословским судом и легко доказал, даже к удовлетворению своих критиков, что его произведения аллегоричны, а взгляд духовенства слишком поверхностный, чтобы понять их.

Борьба с мусульманскими теологами-буквалистами была выиграна, когда, несмотря на то, что Суфиев называли еретиками, великий иранский теолог ислама и суфий Аль Газали был признан – почти тысячу лет назад – основным мусульманским реформатором и авторитетом, заработав себе титул «Столп Ислама».

В христианском мире суфии завоевали признание, когда, например, множество христиан стали последователями афганского мудреца Джалаладдина Руми, и когда обнаружилось, что некоторые христианские теологи адаптировали методы и идеи Газали, христианские мистики вдохновлялись различными суфийскими источниками. Евреи также давным-давно установили, что некоторые из их мистических мыслителей отчасти обязаны суфийским влияниям. Эти и многие другие факты хорошо документированы в секулярной академической литературе.

Уже то, что Суфиям необходимо было до тех пор защищать себя в религиозной области от экспертов, не понимавших духовного содержания их работы, пока сами эти эксперты не получали разъяснения на понятном им языке, многое говорит о Суфиях и немало говорит о качестве мышления их критиков.

Сегодня, к счастью, положение дел несколько проясняется. Запас накопленного знания о Суфизме увеличился, и у Суфиев появилось множество поклонников среди последователей различных вероисповеданий, многие из которых немало писали о суфиях, хотя всегда с позиции собственных предубеждений и с привнесением чрезмерных упрощений. Суфийское наследие, особенно в монотеистических религиях, завоевало широкое, если не всемирное признание. Древний Суфийский вклад в изучение человеческой обусловленности, вклад в социологическую и психологическую науки, о чем только сейчас начинают вспоминать на Западе, дал возможность последователям многих вероучений увидеть, какие аспекты их собственных верований и практик являются поверхностными и лишними, как легко сами они поддаются манипуляции, и как внешние, поверхностные эффекты пробуждают их тренированные рефлексии. Хайам сказал:

Звон колоколов – музыка рабства,
Священный шнур и церковь, четки и крест, –
Воистину все это признаки порабощения.

Суфийским прозрениям все еще предстоит быть перенесенными, помимо ислама в другие религии и, в тоже время, продолжать свое проникновение во внутрь (и за пределы) поверхностного уровня мусульманских энтузиастов и духовных деятелей, оказывая и на них свое воздействие. Также предстоит еще выяснить природу «безумных эксцессов» у лживых или

самообманывающихся людей, принадлежащих к культам, имитирующим суфийские группы и ошибочно принимаемым за подлинно суфийские школы.

В свободном обществе, при современных средствах коммуникации, решение обеих этих задач становится не только возможным, но и неотвратимым.

Должное уважение к людям – существенно необходимо, но даже малое потворствование процветанию заблуждающихся или поверхностных людей, как в Суфийской, так и в других областях, ни к чему хорошему не ведет. Суфийская пословица гласит: *«Слишком доброе отношение к лисе может означать гибель для зайца»*.

Я говорю так потому, что на одной из моих недавних лекций некий благонамеренный, но поверхностный благочестивец прокричал мне: «Не стреляйте в пианиста, он играет, как может!» Разумеется, предложения застрелить пианиста не поступало. Но мой критик, по-видимому, даже и не подумал о том, что пианист, возможно, нуждается в уроках, и что удовлетворение этой его нужды – есть проявление подлинной о нем заботы.

Иными словами, разве мы обязаны оставить неудовлетворительную ситуацию в ее нынешнем положении?!

Человек приноравливается к привычке своего «Командующего Я» выуживать лживые аналогии, чтобы, как гласит суфийская фраза, охранять пустой дом от грабителей.

Подобно тому, как Суфии всегда заявляли, что их путь находится в согласии с любой истинной религией, они утверждают также, что этот путь не привязан к какому-либо периоду времени и всегда представлялся человечеству, начиная с самого раннего этапа его существования.

Ибн ал-Фарид сформулировал это так:

Чествуя Друга, мы без конца пили вино
Даже еще до сотворения виноградной лозы.

В то время как в своем внешнем аспекте Учение может видоизменяться, чтобы соответствовать особенностям разных культур, в своем внутреннем аспекте оно остается сущностно единым. «Одежды могут меняться, но человек под ними – все тот же».

Это утверждение помогает отличить суфийских имитаторов от реальных Суфиев. Извращенные культы или культы повторений, претендующие на то, что они Суфийские, имеют тенденцию использовать устаревшие или неуместные технические приемы, регалии и даже одежды и языки, которые переносятся или импортируются из одного времени и культуры в другие. Уже сама эта тенденция объясняет, почему существует такое огромное множество видов Суфийской практики (и теорий), продолжающих свое существование вплоть до сегодняшнего дня, несмотря на то, что свою полезность они давным-давно изжили.

Один из признаков Суфия состоит в том, что он одевается в одежды той страны, в которой живет. Ученик не должен носить отрепья в знак смирения. Саади в своем «Розовом Саду» говорит: «Если ты и в самом деле отрекся, носи [даже] сатиновые одежды». Учащийся не должен привлекать к себе внимание своим странным одеянием, даже если его «пища» отличается от рациона других. Отсюда и возник девиз, один из многих на эту тему, получивший сегодня хождение среди суфийских учителей:

Ешь, что хочешь, но одевайся, как все.

Экзотические атрибуты вышеупомянутых культов обычно гарантируют их привлекательность для людей и обеспечивают широкомасштабное рекрутирование последователей, в особенности, среди легковверных жителей Запада. Другим людям это также демонстрирует бесполезность подобных культов. Далее, этому негативному процессу способствует нежелание ученых принять как факт: то, что имеет древнее происхождение, некогда могло быть плодотворным, но теперь заменено чем-то другим. Их запутало негласное предубеждение археоло-

гов и историков: «Чем старее, тем лучше». Здесь также может играть свою роль и фактор культурного шовинизма.

В результате, современные ученые бессознательно помогают культам, а не Реальности, способствуют скорее лжи, чем Истине. Академические ученые воображают, если не в своих теориях, то по существу своих предположений, что Суфизм представляет собой экзотический, культурно-обусловленный пережиток, а не живую сущность – как она всегда была известна Суфиям – способную действовать в любой культуре, на любом языке и в любое время.

В самом деле, связанная с человеческим развитием роль Суфия и его Пути, зависит от применимости этого Пути ко всем временам и обстоятельствам. Этот подход явно отличается от попыток превратить славных обитателей современного Запада во второсортную версию ближневосточных жителей средневековья.

Почему второсортную? Потому, что даже если бы повторное применение материалов многовековой давности способно было сколько-нибудь [благоприятно] воздействовать на учащихся, такое воздействие могло бы успешно привести их к прозрению лишь, когда этим процессом руководил бы подлинный мистик. Но ни один подлинный мистик не станет использовать материалы, не имеющие отношения к месту, тем более, способом, который пропагандируют имитаторы. Время и его требования – существенны для проявления суфийской способности. Как сказал древний Суфийский учитель, Амир ибн Усман аль Макки:

Суфий жив для того, что составляет ценность времени, и в каждый
момент он
Посвящает себя требованиям этого момента.

Из этого отнюдь не надо заключать, что современные имитаторы – мошенники. Но даже самый искренний мужчина или женщина на Земле окажется полностью бесполезным, если вместо знания и созвучия с Конечной Реальностью изберет механичность.

Таким образом, в Суфийских духовных занятиях сущностные предварительные условия фундаментально важны и должны соблюдаться, даже если учащийся настолько же полон рвения, как Моисей, и, быть может, особенно должны соблюдаться теми, кто полон такого рвения.

Прежде всего, духовному кандидату следует начать с правильного поведения. Хафиз в одной из своих самых прекрасных строф дает следующее поучение:

Ruzi ki az madar tu urian
Khalqan hama khaldan – tu budi quirian.
Dar ruzi wafatat ki jan bisipari:
Khalqan hama girian – tu bashi khandan.

Это классическое персидское стихотворение, удачно переведенное на английский язык сэром Ричардом Джонсом, гласит следующее:

На родительских коленях голым новорожденным ребенком
Ты плачешь, когда все вокруг тебя улыбаются.
Проживи же эту жизнь так, чтобы, погрузившись в свой последний
долгий сон,
Умиротворенный, ты мог улыбаться, когда все вокруг тебя будут
плакать.

Но что такое «правильное поведение»? В области «ментальной гимнастики» в соответствии с социальными и культурными обычаями во всех обществах разрешено превалировать

замаскированным проступкам. Голая интеллектуальность, как и игры в искренние помыслы, довольно быстро дегенерируют в лживость.

Однажды я присутствовал при том, как Суфий рассказывал одному гуру притчу об обезьяне и вишне. Обезьяна, рассказывал он, увидела кувшин, в котором находилась вишня. Запустив лапку в кувшин, она схватила вишню, но не смогла вытащить из кувшина кулачок с зажатой вишней, потому что он не пролезал через горлышко. Итак, обезьяна овладела вишней, но, фактически, не обладает ею. Таково, – продолжал Суфий, – состояние тех, кто овладел внешностью вещей, но не может высвободиться из ловушки собственной жадности и невежества, которую создали себе сами.

Разумеется, это было точным описанием состояния самого гуру.

Но непобедимое тщеславие этого гуру успешно справилось с этим вызовом. «А что, если вишня – это я, – сказал он, – а ты – кувшин, препятствующий тому, чтобы меня достали и насладились мной?»

Этот случай кажется мне хорошей иллюстрацией того, почему ученику необходимо смирение, прежде чем его можно будет обучать...

Гуру, на самом деле, блуждал между двумя первыми стадиями духовного обучения, называемыми Суфиями: ИНСТИНКТ и РИТУАЛИЗМ. Практически все традиционные религиозные деятели застревают на этих стадиях.

Четыре стадии, составляющие весь курс обучения, таковы:

ИНСТИНКТ, автоматическая, эмоциональная или ментальная деятельность.

РИТУАЛ, когда в соответствии с разработанным планом, верования систематизируются и обеспечивают людей эмоциональными стимулами.

ПОДГОТОВКА, первая суфийская стадия, когда взгляды человека становятся более гибкими. Теперь человек может по-настоящему извлекать пользу от чтения и взаимодействия с учителем.

УПРАЖНЕНИЯ, никогда не применяются к неразвитым людям.

Таковы этапы, ведущие к «просветлению».

Проблема будущих Суфиев состоит в том, что большинство людей были обучены оперировать только на стадиях 1 и 2. И они воображают, что в этом заключается вся религиозная деятельность.

Что касается других, то льстящие их тщеславию фантазии, будто на 4-ой стадии, то есть стадии УПРАЖНЕНИЯ, можно действовать без знания и подготовки, служат на пути их обучения абсолютными препятствиями.

Резюме

Суфийская цель – очищение человеческого сознания. В этом состоит суфийский мистицизм как специфический Путь, в отличие от мистификации или магии.

Многие религиозные учения в мире на самом деле являют собой запутавшуюся или деградировавшую деятельность, оторванную от своих корней.

Наследие и культура затмевают высшие человеческие способности. Такие направленные на благо технические приемы, как своевольное самоподавление, совершенно бесполезны.

Суфии (так называются Реализованные Индивидуумы, но не учащиеся или последователи) – воссоединяются с объективной Реальностью, или Единством.

Теологи, ученые и болезненно впечатлительные религиозные деятели посвящают свою жизнь и мышление наслаждению субъективными эмоциями и идеологиями. В результате, их

религия развивает не восприимчивость, а самопотакание. Кроме того, им недостает чувства юмора.

Восприятие Реальности за пределами внешней формы по своей природе чуждо тем, кто потворствует своим желаниям.

Эта Реальность, будучи самой сутью, лежит за пределами форм всех религий.

Знакомство с современным представлением Суфийского учения дает ученику существенную подготовку, однако, на определенном этапе, наставник абсолютно необходим.

Суфийское изучение является ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫМ, не информационным и не манипулятивным. Поэтому и ученые, и популяризаторы (которых часто считают Суфиями или суфийскими специалистами) в качестве руководителей бесполезны даже для того, чтобы передать, ЧТО такое Суфизм.

Характеристики Суфия. Суфизм и Ислам. Фольклор: Насреддин; Другие формулировки, такие, как: Земля, Вода, Воздух, Огонь; Христианство и Новый Завет; Индуистские и Еврейские мистики.

Четыре уровня восприятия: концентрация, отречение, восприятие и знание.

Суфийское понимание «Любви».

Деграция в понимании священных текстов.

Обет и ученичество.

Неуместность некоторых упражнений.

Религиозное возбуждение; Посвящение (традиционная форма).

Лжепереживания; активизация Тонкостей.

Чудеса, святость и «Второстепенное Я».

Лживые и воображаемые Суфии.

Четыре Стадии в свете вышеописанного.

2

Суфийские принципы. Метод обучения через действия. Имитаторы. Места встреч и западный искатель. *Хамаюн Аббас и другие*

Вера

Хамаюн Аббас

Вера – это не то, что может быть навязано человеку, но то, что должно в нем развиваться. Иными словами, то, что человек прививает животным посредством дрессировки, называется не верой, но доверием. Реальная вера отличается от этого.

Вере в Бога человеческие существа не обучаются также и у самого Бога. Напротив, Бог дает человеку так много причин для сомнений (катастрофы, неуверенность, потеря надежд), что таким образом Он, можно сказать, фактически показывает нам следующее: вера, что нечто или некто может оказаться полезным, не возникает от одних только счастливых событий или приятных переживаний.

Соответственно, суфийский мастер не похож на того, в кого хочется верить, каковыми являются духовные лица и иные люди, заботящиеся о том, что бы их внешний вид и поведение внушали людям веру в них, веру, которая на самом деле является доверием. Вера подобного рода может тогда лишь считаться ценной, если она будет испытана. Поэтому суфии спрашивают: «Сколько друзей у вас останется, если вы, посетив каждого из них, попросите спрятать у них в доме труп человека?»

Вера, это нечто такое, что суфийский кандидат должен найти в самом себе вопреки кажущимся внешним свидетельствам. Это одна из причин, по которым суфийские мастера идут даже на то, чтобы тем, кто хотел бы у них учиться, казаться смешными или недостойными доверия.

Никто иной, как шейх Шибли¹, когда один человек попросился к нему в ученики, сказал: «Повторяй за мной: Нет Бога, кроме Бога и Шибли его Пророк!» Этим он хотел проверить является ли покорность этого человека лакейской или нет.

Как подчеркивают суфийские учителя, недостаток веры в учителя чаще всего проявляется в ученике, если последний ожидает внимания и инструкций от учителя, даже не выполнив того, что необходимо выполнить в качестве предварительного условия.

Чтобы привести пример этого важного аспекта суфизма, вспомним, что шейх Аджал Ширази так сказал одному из претендентов в ученики, который попросил дать ему зикр (священную формулу): «Потворствуй другим в том, что ты не разрешаешь самому себе. Желай другим то, чего желаешь для себя».

Спустя некоторое время, человек этот пришел к дверям шейха, снова выпрашивая формулу для повторений и говоря при этом, что, как бы то ни было, он как ученик шейха вправе на это рассчитывать.

«Могу ли я дать тебе второй урок, – ответил мастер, – если ты ничего не извлек из первого?»²

¹ Mir Khurd Kirmani, Siyar al-Awliyya, «Lives of the Saints» (Жизни Святых), Delhi, 1302 A.H. = 1884-5 A.D.

² Siyar al-Awliyya (на персидском языке).

Один из первостепенных аспектов концепции «веры» состоит в том, что этот технический термин подразумевает некую активность и позицию, которая в свою очередь ведет к развитию в индивидууме способности. Монахи и другие люди, в том числе и отшельники, тратили всю свою жизнь, одержимо пытаясь обрести веру, чем лишали себя возможности перейти к следующей стадии.

В учениях, приводимых Худжвири (Кашф аль-Махджуб) эта проблема проиллюстрирована в сообщении о Халладже, наставляющем знаменитого Ибрагима Кхавасса.

Когда Халладж пришел в Куфу, его посетил Кхавас. Халладж спросил Кхаваса: «О Ибрагим, что ты приобрел в результате двух десятилетий изучения суфизма?»

Кхавас сказал:

«Я концентрировался на доктрине веры».

Ответил ему Халладж:

«И ты потратил свое время, культивируя духовность, там где должно было быть Уничтожение в Единстве?»

Худжвири далее объясняет, что *вера* означает определенную позицию и уверенность.

«Если человек истратит всю свою жизнь на исцеление своего духовного естества, ему понадобится еще одна жизнь для исцеления своего физического естества, и он распрощается с этой жизнью, прежде чем найдет хоть какой-нибудь след или признак Бога».³

Приведенная выше история о шейхе Ширази подчеркивает также еще одну характеристику веры, на которую обращают внимание суфийские мастера: «Люди, неспособные верить, сами недостойны веры, и потому им нельзя доверять важные вещи». Человек, желавший стать учеником Ширази, не верил, что учитель сам способен удовлетворить его потребности, когда они проявятся. И ему, в свою очередь, так же не следовало доверять практику тех позиций, которые были предписаны ему на первой встрече.

Ученик, попросивший Ширази дать ему дальнейшие указания, не проявил, как мы видим, веры; но, возможно, самому ему казалось, будто он просит мастера дать ему веру, хотя он не осознавал при этом, что первый урок был ему преподан до того, как он будет в состоянии получить второй.

В самом деле, вера, согласно одной из версий суфийского путешествия, приходит только на четвертой стадии. Первая стадия – покаяние (Таубат), уход от нежелательного (предсудительного). Вторая стадия – Инабад (возвращение к правильному). Третья стадия – самоотречение (Зухд), и только затем наступает вера. Оценка мастером кандидата, выраженная в терминах «Не позволяй другим того, чего ты не желаешь себе. Желай другим то, чего желаешь для себя», явно включает в себя практики, составляющие эти первые три стадии.⁴

Инструкции, которые мастер дает студенту, составляют практику или практики, необходимые для достижения «стоянки» (Макам), на которую студент должен «пребыть». Далее, по словам Худжвири, ученик должен держаться этой стадии, выполняя все обязательства, относящиеся к этой «стоянке», и находиться в этом состоянии, пока не постигнет его совершенства настолько, насколько это в его человеческих возможностях. Ему не дозволено покидать свою «стоянку», не выполнив связанных с ней обязательств.

Хотя будущий суфий должен в достаточной мере «верить» своему ментору, чтобы быть в состоянии следовать его инструкциям в отношении реализации трех стадий, предшествующих достижению веры, на проявление подлинной веры ученик все же не будет способен, пока не пройдет все четыре стадии. И все-таки ученики обладают необходимыми способностями, чтобы проявлять такую ограниченную надежность.

³ Hudjwiri The Kashf al-Mahjup, translated by R.A. Nickolson, London, 1911, p. 205.

⁴ Hudjwiri.

Сама вера, как определил ее Аль Газали,⁵ составлена из знания, состояния и работы (в суфийской технической терминологии Илм, Хал и Амл). Эти три элемента создают настроенность обучающихся на то, чему они учатся. Когда суфийский мастер тренирует своих учеников, посредством ли слов, знаков или действий, он готовит их к использованию позиции, включающей эти три перечисленных элемента.

Обучение учеников, состоящее в том, чтобы отучить их от приверженности к внешнему, от автоматизма и буквализма, берет начало в далеком суфийском прошлом и может считаться основным требованием суфийского учения. В самом деле, уверенность обычного человека в том, что «видеть – значит верить», у суфия должна быть заменена более гибким пониманием, прежде чем раскроются его высшие умственные способности.

Сэр Ричард Бартон⁶ рассказал историю о великом суфийском мастере Баязиде и куртизанке. Ученики Баязида так высоко чтили его, из-за этого пренебрегая тем, чему он учил, что он решил разрушить их обусловленность. Суфийская пословица гласит: «Человек не должен быть почитаем ценой того, что он представляет». Однажды Баязид находился в окружении группы восхищенных последователей, пребывавших в тисках убеждения, что благочестие и его внешний вид неразделимы. Баязид отправил послание женщине легкого поведения, в котором он просил прислать ему его одежды, забытые у нее дома, а также сообщить, сколько он ей должен. Подобно этому, Шамсуддин из Табриза, учитель Руми, однажды в виде теста попросил одного из своих учеников, чтобы тот одолжил ему свою жену.

Эта необходимая техника повлекла за собой то, что имитаторы, претендуя, будто они тоже суфийские мастера, и, пользуясь доверием других людей, стали обманывать их. Но аргумент, выдвигаемый в некоторых кругах о запрете такой практики, по этой причине не имеет веса, минимум по двум причинам. Первая причина: нет свидетельств тому, что за многие века существования этой практики, злоупотребления лжесуфиев принесли какой-либо непоправимый вред, по крайней мере, сколько-нибудь больший, чем злоупотребления других обманщиков и еретиков. Вторая причина: если следовать этому принципу, то мы (по словам одного современного мастера) с таким же успехом можем запретить свободу слова, чтобы негодяи не злоупотребляли ею.

Изучение высказываний и поступков таких суфийских мастеров, как те, что приведены выше, так же, как и опыт общения с современными суфиями, с совершенной очевидностью открывает следующее:

1. Вера не есть рабство; люди склонны неправильно понимать «веру»;
2. Вера нужна до того, как человек сможет усвоить уроки;
3. Мастер стимулирует именно такую веру, которая нужна конкретному человеку;
4. Мастер может стимулировать ее посредством слов, действий или с помощью книг;
5. До того, как наступит эта стадия, существуют другие стадии, точно так же нуждающиеся в стимулах;
6. Многие воображают, что они ищут знания, тогда как на самом деле ищут внимания или чего-то еще, о чем они подспудно думают;
7. Суфий, зная своего будущего ученика, дает ему (или ей) инструкции, которые одновременно подготавливают его (ее), а также дают ему (ей) и другим возможность увидеть, эффективно ли проходит процесс этой подготовки; и достигает он этого, прежде всего тем, что способствует раскрытию истинной природы внутренних позиций ученика;

⁵ Ghazali: Revival of the Sciences of Religion (Возрождение Религиозных Наук). Book Four (Tauhid and Tawakuhl).

⁶ The History of Sind, ("История Синда"), p. 206

8. Обучающийся приходит к пониманию того, что один подход к учению суфии отрицают, другой поощряют для того, чтобы проблемы, связанные с развитием, решало духовное, а не эгоистическое существо ученика.

По словам Руми, мастер мешает самомнению ученика действовать, поскольку иначе это приводит к тому, что ученик остается на руках у учителя «как казенное мыло» [которое не смывается].

Даже когда кажется, что суфийский мастер «прикасается к грязи», она все равно не пристаёт к нему, и он может позволить себе поведение, которое общество не готово допустить для кого-либо другого. «Ничто, – говорит Абу Тураб аль Накшхаби,⁷ – не может осквернить суфия, он же, на самом деле, очищает все».

Среди современных представителей Пути, которые с помощью лекций и публикаций сделали доступным прохождение первых стадий, можно назвать афганского адепта Идриса Шаха, работы которого завоевали признание, как на Востоке, так и на Западе.

В прошлом такие авторы, как Газали (X–XI вв.), или Худжвири (XI в), или Руми (XIII в) в качестве метода пользовались сказками, аргументами и беседами для того, чтобы обеспечить учащихся предварительной подготовкой и, таким образом, предоставить им возможность приблизиться к стадии Дервиша (того, кто на пути). Позднее Суфии, продолжая делать то же самое, еще и позволяли посещать их в частном порядке, присутствовать у них на лекциях, давали людям индивидуальные инструкции, чтобы помочь им продвинуться в изучении.

В последние столетия с развитием печати и ростом читающей публики, стало возможным широкое распространение ранних суфийских классиков, но даже этой литературе не вполне удалось прояснить для кандидатов на суфийское обучение, что они должны подготовиться к тому, что может передать им суфийский мастер во плоти, и сделать это они могут только благодаря тщательному изучению его книг. Поэтому, и по сей день, вполне обычно для людей вести себя по образцу того, кто хотел стать учеником мастера Ширази: «Просить второй урок, не усвоив первого».

Чтобы каждый следующий шаг учащегося опирался на предыдущий, подобно восхождению по ступеням лестницы, и чтобы, таким образом, он был принят в обучение и развивался согласно последовательным стадиям, – для этого, как одно из средств, в Средние Века появились «ордена суфистов». К сожалению, с течением времени, эти ордена, вместо персонального и гибкого подхода к учащимся, стали концентрироваться на упрощенной интерпретации Пути, что характерно для любого организованного подхода. То, что «ордена» перестали служить эффективными каналами обучения, не отменило самого обучения, просто эта функция снова вернулась к традиционным мастерам.

⁷ Умер в 859 г.н.э.

Суфийская деятельность

Эмир Али Хан

«В мире, но не от мира»

Члены всех сообществ, в том числе нации и целые цивилизации, пропитаны господствующими идеологиями этих сообществ. Идеологии, в свою очередь, ставят людей в такие ментальные позиции, которые одни человеческие способности активизируют, а другие с равным успехом заглушают.

Идеологии могут быть такими древними, так глубоко укоренившимися в умах людей, или настолько тонкими, что общество в целом даже не способно и опознать их как таковые. В этом случае опознать их можно, бросая им вызов, задавая людям вопросы об их идеологиях или для сравнения описывая идеологии других сообществ.

Такого рода провокации, описания и вопросы, выявляющие скрытые идеологические предположения людей, приводят целые культуры или некоторых людей из этих культур к способности мыслить по-новому, что для них, как и для большинства их сограждан, ранее было недоступно.

Метод «провокации и ответной реакции» традиционно использовался суфиями для того, чтобы помочь людям развиваться в более широком диапазоне, а также развивать свои восприятия. Разумеется, недопустимо заниматься этим произвольно – провоцировать ради самой провокации, задавать вопросы с деструктивной целью или даже описывать что-то, только чтобы увеличить общий объем информации, – ибо этот метод, в силу своей специфики, намеренно рассчитан на то, чтобы вести людей к более высокому уровню индивидуального и общественного знания.

«Сожги это препятствие»: глубина и характер суфийского потенциала

Простая адаптация суфийских внешних аспектов не способствует высшему развитию, поэтому единственным путем к этому развитию является переживание определенных чувств, ощущений, которые в обычном человеческом опыте ни с чем не сравнимы. К этому надо прибавить, что суфийский поток не может «смешиваться» ни с каким другим. Те, кто заняты имитацией суфийских внешних приемов, пытаются просто создать некую «смесь» на эмоциональном уровне, что в суфийской работе противопоказано.

Людам, не находящимся в контакте с законной суфийской школой, свойственны попытки объединять суфийские идеи, технические приемы и т.д. с другими системами мышления и образцами поведения. Уже сама такая практика свидетельствует о том, что человек, ее применяющий, находится на низком уровне понимания; этот уровень должен быть превзойден прежде, чем школа может вступить с таким индивидуумом в эффективную коммуникацию.

Основным препятствием, мешающим человеку установить обоюдный контакт с суфийским опытом, является чересчур развитое воображение или чрезмерное его использование. Как сказал суфийский учитель Руми: «Воображение запирает тебя, как засов запирает дверь. Сожги засов».

Следующее препятствие в гармонизации суфиев с теми, кто хотел бы стать сопричастным их опыту, связано с хаотической ситуацией, которая возникает в каждом обществе, когда господствующая идеология (схоластическая, религиозная или другая) нивелирует различия

между тремя видами знания. Три эти вида в контексте их применимости к человеческому развитию таковы: знание общее, знание специализированное и знание пронизательное, связанное с восприятием. Неизменным признаком подлинности традиции служит то, что суфийская школа в программе изучения пытается восстановить эти уровни, точно так же, как признаком вырождения традиции служит то, что эти уровни в той или иной общине не вполне осознаются.

Три вида знания

Одно из наиболее конкретных заявлений, относительно существования указанных трех уровней, было сделано Аль Газали. Согласно его учению, каждый человек, на самом деле, занимает одну из трех позиций по отношению к знанию. Во-первых, он имеет свою долю в общем запасе знания или в том, что общество, к которому он принадлежит, обозначает как знание, т.е. знание, накопленное внешним социальным миром – его семьей, племенем, нацией, цивилизацией. Во-вторых, он может принадлежать к кругу тех, кто понимает в какой-то области больше обычных людей, то есть специализируется. В-третьих, он может войти в круг тех, кто реализовал свое понимание через непосредственный опыт.

Эти три уровня можно увидеть, например, в такой аналогии: человек имеет общее представление о том, кто такой кузнец; затем он учится кузнечному делу; и, наконец, он становится кузнецом через опыт. В исламской духовно-философской традиции эти три уровня признаются в виде трех этапов: Закон (Шариат), Путь (Тарикат) и Знание (Ма'арифат).

«Умри до своей смерти»

Суфийское обучение построено таким образом, чтобы, приняв человека на Первый Уровень, привести его к Третьему Уровню посредством работы на Втором Уровне.

Третий Уровень – это уровень, который постигается за пределами «сна» (термин Хакима Санани и других авторов), что является обычной жизнью. Этот уровень относится к такому существованию, по отношению к которому человеческая фаза бытия является лишь звеном и может рассматриваться как пауза или стадия, подобно тому, как сон можно считать паузой в состоянии бодрствования.

С этим и связан девиз: «Умри до своей смерти», который означает, что Третья Стадия – это переживание вечного существования, следующего за физической смертью, и человек может испытать его еще до окончания своей обычной земной жизни.

«Тебе нужен горн или светильник?»

Как и любое подлинное учение, Суфийский Путь дает студенту не то, что он (она) могут желать, но то, что, согласно определенным признакам, будет являться полезным для обеспечения его (ее) перехода от Первой Стадии к Третьей Стадии. Эта концентрация на специфических аспектах развития отличает путь суфиев от культа или от любой формы самопотакания, которая претендует на то, что является «Путем».

«Можешь искать горн, но он сожжет тебя, – говорит Руми и затем продолжает, – тебе нужен всего лишь уголек или светильник». В культах и других видах деятельности, предназначенных скорее для удовольствий, чем для человеческого развития, люди стремятся чувствовать и считают, что чем интенсивнее чувство, тем лучше. Но цель суфийской школы – просветление, а не интенсивность. Именно к этим индивидуумам и группам, которые строят свой поиск на такой духовно низкой и невежественной позиции, обращается Саади, когда говорит: «Я боюсь, что ты не достигнешь Мекки, о Номад! Ведь ты идешь по дороге, ведущей в Туркестан...»

Повсеместное возникновение культов, которые имитируют некоторые технические приемы суфиев и застревают на Первой Стадии, хотя думают, что приближаются к Третьей Стадии, Хафиз, еще один из основных суфийских учителей, обрисовывает в такой фразе: «Человек, чтобы его волшебное кольцо проявило свою силу, должен стать Соломоном».

Организация

Создавая свои организации для целей обучения, суфии следуют весьма заметному образцу:

Суфийский учитель возглавляет свой собственный Круг (Халка). Затем идет Группа (Таифа), возглавляемая Представителем. И, наконец, существует индивидуальное членство, при котором каждый такой индивидуум связан с Учением через Офис (Дайра). Все вместе это называется Тарикой, Путем (Школой), что по образцу западных организаций часто небрежно обозначается «Орденом».

В связи с различными формами членства в суфийской школе, необходимо помнить, что каждая из них считается одинаково важной. В выродившихся и имитационных школах, состоящих из людей, которые не понимают, как работает реальная Школа, считается, что «лучше» принадлежать к кругу мастера, чем быть просто «индивидуальным членом». Такие представления заимствованы у примитивных человеческих организаций, принадлежащих Первому Уровню, и им нет места в настоящей Школе.

Учитель (или Общество, Джамийят, уполномоченное учителем) прикрепляет студентов и других членов, согласно квалифицированной оценке этих последних, к той или иной форме взаимоотношений со школой (индивидуальное членство, членство в кругу или в группе), и время от времени здесь возможны перестановки для обеспечения необходимых импульсов, в которых нуждается обучение.

Поскольку новички формируют свои мнения, опираясь лишь на стандарты Первого Уровня, то некоторым из них свойственно требовать присоединения к группам или кружкам, либо они хотят стать индивидуальными членами, либо, напротив, не быть таковыми. Считается, что люди с такими позициями ставят свою оценку выше экспертной оценки Общества, и, как правило, суфийская организация списывает их со счетов, поскольку, в терминологии суфиев, она «некомпетентна» иметь дело с такими людьми.

Терминология

В суфийской школе суфиями являются только те, кто реализовал конечный результат суфийской деятельности. Согласно классическому и подлинному определению суфий – это просветленный. Поэтому называть себя «суфием» ошибочно. Те, кто это делает, – не суфии. Те, кто не делает этого, могут быть, а могут и не быть суфиями.

Члены самоорганизованных групп, как и самозванные «искатели», известны как Дервиши («Бедные»); порой они объединяются в обучающие группы и искательские кружки, ожидая, когда их примут в регулярную суфийскую школу. В некоторых случаях таким студенческим организациям не удается добиться признания Школы, и они продолжают свое существование в виде «дилетантской» школы, иногда в течение целых веков, будучи на самом деле культурами или развлекательными организациями. Широкие массы могут и не подозревать об этом, поскольку знакомы только с деятельностью, которая относится к Первому Уровню. Подобные организации даже считаются суфийскими, и ученые, и другие люди, систематически изучают их, ошибочно полагая, что они представляют часть «Суфийского феномена».

Эти группировки обычно легко узнать, потому что они любят присваивать себе эмоционально заряженные титулы, имеют весьма театральные представления об истине и о просвет-

лении, привязаны к символам и внешним аспектам, а также их возбуждает принадлежность к группе. Во всех этих отношениях они представляют собой полную противоположность сбалансированным и эффективным суфийским группам.

Правда, дервишская группа или отдельные индивидуумы могут быть с пользой присоединены к школе, но, как правило, такая многофункциональная организация, как школа, нужна для того, чтобы отвлекать удовольствие своим членам, поэтому вероятность этого сценария не очень велика. Руми очень откровенно говорит об этом: «Пусть эти ослы пасутся на своем пастбище – не станем им мешать».

Методы суфийского обучения

Бенджамин Эллис Фоурд

Современные исследования и интерес к традиционным системам жизни и обучению создали климат, немало способствующий исследованию того, что веками сохранялось суфиями – организацией людей, обычно называемых «исламскими мистиками», чье учение, по мнению их самих, а то и большинства, если не всех их комментаторов, исходит из далекой древности, предшествующей появлению исторических записей. Материалы о суфиях содержатся в книгах, написанных их исследователями, а также в записках путешественников и жителей Ближнего Востока (где в основном и жили суфии), что составляет период около 1200 лет, в течение которого эти люди и были известны под именем СУФИИ.

Упомянутые материалы настолько разнообразны и столь многих приводят в замешательство, что так и не удалось, собрав все доступное и предположительно достоверное из этих материалов, рационально объяснить, чем же занимаются суфии, почему они чем-то занимаются, и каким образом они это делают, несмотря на то, что в этом направлении предпринимались упорнейшие попытки. Дело даже не в том, что материалов слишком мало, а в том, что их как раз чересчур много. Как сказал один комментатор: «Если бы до нас дошло мало сведений о суфиях, нам удалось бы создать правдоподобную «реконструкцию» их идей и практик, которая пусть и не была бы точной, но, по крайней мере, удовлетворяла бы нашей потребности в порядке и склонности выносить «окончательный вердикт». Однако, мы не в состоянии сделать этого из-за крайнего обилия суфийских материалов».

Опустив эту печальную оценку наших профессиональных методов изучения, мы без особого труда придем к очевидному выводу, что все-таки есть возможность разумно объяснить такие сложные феномены, как различные виды суфийской деятельности, если поискать информацию и разъяснения у самих суфиев.

Именно таким подходом, насколько позволяли его человеческие возможности, и пользовался автор этой статьи, что привело к открытию, грубо говоря, двух способов исследования суфийских проявлений и, как знать, возможно и многих других феноменов:

1. с позиции фиксированных предположений, которые исследователь привносит в свое исследование;
2. в соответствии с тем, что говорят о своей деятельности сами суфии.

В этой статье собраны интерпретации того, кто такие суфии и что такое суфизм, появившиеся в результате неустанных путешествий автора и вопросов, которые он задавал самим суфиям, опираясь на материалы о них, почерпнутые из книг, написанных специалистами в этой области. Не будет преувеличением сказать, что сами суфии немало поражены скудностью информации и ментальной сухостью обычных исследователей.

Не вызывает сомнения, что момент первостепенной важности содержится в следующем вопросе (да и в ответе на него): «Для чего нужны суфии, почему они существуют, и что они пытаются осуществить?» К счастью, в этом вопросе среди суфиев, кажется, нет разногласий – какие бы мотивы, историю или цели им не приписывали специалисты.

Суфии, что подтверждается наиболее авторитетными из них, знают, как уничтожить преграды на пути восприятия человеческим существом его (или ее) происхождения, и с этой целью они размывают, как нечто не имеющее отношения к этому «путешествию», границы, которые разделяют жизнь человека на то, что было до рождения, на этап его земного существования, каким оно ему кажется, и на его посмертное существование.

Суфии утверждают, что человечество сотворено с определенной целью, что оно знало эту цель до того, как облачилось в нечто, именуемое человеческой личиной; память об этой цели стирается в момент рождения, а вспоминание этой цели начинает пробуждаться под воздействием соответствующих стимулов; затем, после физической смерти, человек продолжает свое существование, которое, в некотором смысле, претерпело изменения на стадии его земного пути. Хотя для современного человека такая формулировка может звучать как нечто из области научной фантастики, тем не менее, она была широко распространена и глубоко почитаема именно в такой форме столетия до того, как возник научно-фантастический жанр со всеми вытекающими из этого последствиями.

Суфии отрицают абсолютную реальность времени, пространства и физической формы.

Все это, говорят они, имеет относительную и локальную значимость. Абсолютность этого только кажущаяся.

Таковы суфийские утверждения. Ну, а что же относительно применения методов, способствующих (как они говорят) пробуждению «спящего»?

Суфийский ответ настолько драматически отличается от остальных религиозно-мистических концепций, что и не удивительно, почему некоторые люди категорически не в состоянии понять его. И все же, будучи однажды понятым, он вовсе не кажется чем-то несовместимым с первоначальным суфийским тезисом. Коротко говоря, они утверждают, что когда знание взаимосвязанности прошлого, настоящего и будущего испытано суфийским мастером, он обретает способность разработать метод. Далее, методы эти не только нестандартны, но они должны быть таковыми. («Путей к истине столько же, сколько человеческих душ» – суфийская фраза).

Поэтому суфии смотрят на системы, которые со всеми людьми обращаются одинаково, как на механические и дегенеративные. При этом они не отрицают, что многие, предположительно суфийские организации, попадая в руки имитаторов, становятся упрощенными до такой степени, что теряют способность делать что-либо, кроме как автоматизировать своих последователей, что, по мнению суфиев, есть неизбежное следствие влияний самого фактора времени. Другими словами, наша потребность в порядке и поспешная склонность все организовывать приводит к тому, что мы в своем стремлении к сверхупрощению превращаем учение в идеологическую обработку, а осмысленную деятельность – в ритуал. Повернуть этот процесс вспять и восстановить гибкость весьма затруднительно как раз из-за человеческой потребности в порядке, которая, подобно другим устремлениям низкого уровня, настолько сильна в нас, что уродует свои жертвы, как прогрессирующее заболевание.

К решению своей задачи суфий подходит любым из возможных способов, на которые он способен.

В связи с этим, первое соображение опирается на следующий факт: как было замечено, люди, в основном, до такой степени склонны создавать себе привычки, что все, так или иначе представленное человеческому существу, будет превращено им в привычку. Выход из этого тупика состоит не в том, чтобы избавиться от привычек вообще, ведь многие привычки полезны, а в том, чтобы направить обучающегося к такой позиции, из которой он, сохраняя свои привычки, будет способен действовать помимо них. Современные суфии, объясняя этот принцип, используют аналогию с автоматическим устройством, которое по необходимости переходит в режим ручного управления, подчиняясь воле оператора.

Это, в свою очередь, подводит нас к такому аспекту суфийской деятельности, из-за которого люди больше всего впадают в замешательство, – к разрывам. Суфии утверждают, что в дополнение к ритму и всем его последствиям, в человеческом существе возникают фазы, к которым можно подключиться и которые можно использовать с тем, чтобы обрести способность думать, работать и существовать за пределами знакомого измерения времени и повторяемости. Но люди, тем не менее, склонны к повторениям. Суфийская технология посредством

многочисленных литературных, физических и ментальных приспособлений открывает в человеке способность переходить от повторений к разрыву в цепи повторяемости. Фактически, на этом принципе основаны многие суфийские упражнения. Из этого следует, что люди, не способные переключать свое внимание с повторяемости на прерывание, не смогут извлечь из этой технологии пользу, даже если и узнают о ней. Поэтому и необходимость в суфийском учителе существует всегда: духовно не возрожденный человек неизменно автоматизирует на входе любые данные, и только тот, кто сознательно стоит вне времени, так же как и во времени, может удержаться на этом пути.

Второе, характерное для суфийской среды требование к учащимся на стадии их подготовки, связано с пониманием человеческой склонности «принимать» или «отвергать». Большинство человеческих институтов основано на бинарной модели мышления: «или–или». Человеческое существо, встречаясь почти с любой ситуацией, автоматически и как можно скорее решает принять ее или отвергнуть, что, по словам суфиев, становится полезным инструментом в системе обычного образования и идеологической обработки. Но, не будучи единственным методом в подходе к ситуации, этот способ надежно блокирует другие восприятия индивидуума, отрезает его от опыта в других областях, где подобная модель не работает, а попытки установить некую среднюю позицию (отказ от решения, взвешивание всех «за» и «против» и т.д.) вносит в ситуацию, опять же по утверждению суфиев, всего лишь неуверенность и не приводит к развитию третьей специфической потенциальности, которая, по мнению суфиев, является существенной.

Тщеславие и самомнение, с которыми боролись (и, кажется, не слишком успешно) практически все религии, по утверждению суфиев, мешают процессу реализации. Однако, суфии не склонны придавать слишком много внимания аспекту награды и наказания, когда указывают на чрезмерное тщеславие людей. Тщеславие – это препятствие на пути к изучению. Потерять способность учиться или прогрессировать для суфия так же смертельно, как в других верованиях «быть проклятым» или «расстаться с жизнью».

Начальная стадия подготовки суфиев, связанная с концентрацией учащихся на скромности и раскаянии, считается существенной и фундаментальной основой духовного прогресса, и в этом, как они полагают, выражается первоначальное учение, которое в религиозных проявлениях подверглось искажению, превратившись не более чем в эмоциональное или социальное требование.

За смирением следует стадия символизма. Снова и снова я сталкивался с недоумением в среде истинных суфиев, когда речь заходила о людях, которые подражают суфиям, однако совершенно не осознают содержащуюся в суфийских учениях многоуровневость смысла, его многослойность, и не желают понять, что человеку не постичь более глубокого смысла, прежде чем он не переварит более поверхностного.

Согласно суфиям, неспособность имитаторов понять это хотя бы теоретически, приводит к тому, что никто из внешних исследователей, не в состоянии добиться какого-либо прогресса в подлинном суфийском изучении. Человек в этом случае скользит по поверхности учения подобно тому, как жук-водомер скользит по воде: пусть даже он на волне своих «переживаний» обучает других, путешествует по всему Востоку, пишет книги, участвует в танцах дервишей, – все его поведение слишком очевидно демонстрирует суфию его некомпетентность и поверхностность.

Одна из причин хорошо известной причуды суфиев обескураживать поклонников или претендентов на их знание состоит в том, чтобы заставить этих людей пересмотреть самих себя и выяснить, насколько глубоки их собственные знания и искренность. Как сказал мне один суфий: «Может понадобится пять, а то и больше заходов со стороны искателя, на что уйдет, возможно, несколько лет, прежде чем нам удастся просигнализировать претенденту, что мы рады помочь ему, только бы он умерил в себе чувство собственной важности».

«И сколько же из них, из тех, кого вы так отталкиваете, снова возвращаются к вам?» – спросил я.

«Меньше, чем один из десяти, – ответил он. – Девять из них обычно приходят к заключению, что мы злобные людишки... А некоторые из них настолько перегружены самомнением, что удаляются, даже не заподозрив какого-либо упрека в свой адрес со стороны наших действий, и тут же начинают «учить» других».

Но если вышеупомянутые особенности суфиев вызывают всеобщую тревогу или путаницу, то это ничто по сравнению со степенью непонимания, преобладающего в связи с другой типичной чертой суфийской практики.

Здесь я имею в виду факт существования многочисленных, кажущихся совершенно разными, систем суфийского образования. Наряду с известными музыкальными и ритмическими ассамблеями существуют формулировки будто бы свидетельствующие о том, что суфии против музыки, или же наоборот, что они предпочитают ее; что они специализируются в исключительно зарекомендовавших себя (или исключительно незаметных!) профессиях, что существует шесть, девять, десять, семнадцать и любое другое количество стадий и стоянок на пути. Одни говорят, что работают над активизацией определенных чувствительных центров тела или головы, подобных йогическим чакрам. Другие считают, что суть суфийского метода в повторениях, запоминаниях или ссылаются почти на любой вид духовных и иных практик, какие только возникают в воображении.

Возможно ли такое?

Настоящий ответ, которого не найти ни в одной из 2250 книг и монографий на эту тему, изученных мною и содержащих наиболее полную библиографию по суфизму, предполагает достаточно простое действие. Все, что требуется сделать, – это спросить у подлинного суфия. Суфий же, как гласит ответ, если метод эффективен для его учения, использует любой. Он не тяготеет ни к одной из традиционных моделей. А то, что различные учителя берут на вооружение великое разнообразие методов, в среде имитаторов порождает серию предположений на тему: такой-то или такой-то метод – есть «истинный путь». Так что, если вы спросите сегодня у одного из многих тысяч имитаторов (или у их искренних, но заблуждающихся последователей) о существовании стандартной суфийской практики, то получите ответ, исходящий не от суфиев, а от дервишей – людей, которые пытались, но, как правило, безуспешно, стать суфиями.

Тот факт, что суфийские учителя выбирают свою собственную технику, и что такое вообще возможно, уже само по себе заслуживает интереса, поскольку подтверждает суфийское утверждение, что суфий на самом деле знает «Путь», потому что прошел по нему сам. В противоположность этому, уже тот факт, что люди так пристрастны к повторениям, традиционализму и механическому заучиванию, подражанию и ритуалу, свидетельствует лишь об отсутствии у них подлинной проницательности по поводу того, что и как работает. Вот мысль, заслуживающая внимания.

И хотя об этом не мешало бы подумать, задумается ли кто-нибудь – вот вопрос. Я сомневаюсь, поскольку большинство человеческих сообществ очень слабо представляет себе вероятность существования «Пути», который доступен людям, и который знают и понимают его последователи. На Западе, например, почитание авторитетов и привязанность к установившимся формам, безусловно, коренится в подсознательном убеждении, что сегодня истина не доступна, и нам остается только лишь равняться на людей прошлого, поступая и веруя, как они. Точно также и традиционализм Дальнего Востока основан на убеждении: то, что однажды было установлено и во что некогда верили, разумеется, должно давать результаты и сегодня. Тех же, кто как бы говорит: «Оставьте в покое традицию, следуйте опыту», – по всей видимости, слишком мало, иначе нам не было бы так трудно допустить возможность существования

людей, способных делать что-то без назойливых или даже благовидных ссылок на стандартные авторитеты.

Суфийские учебные методологии в своем внешнем выражении, если оно подлинное, во многом зависят от взаимоотношений мастера с учеником и этих двоих со всем сообществом мистиков в целом. «Поток», циркулирующий между ними, согласно суфиям, является наиболее важным элементом их существования и прогресса.

В свете этого утверждения мы можем открыть для себя, что многие так называемые суфийские группы и учителя вовсе и не суфийские, потому что в их случае отсутствует фактор потока. Спорадический характер деятельности в подлинной суфийской школе, когда лишь время от времени читаются лекции или даются серии упражнений, и, опять-таки, лекции сменяются конкретными указаниями, или же вообще ничего не происходит, объясняется связью с этим потоком. Колебания в деятельности параллельны колебаниям потенциала и знанию учителя, и притом таким образом, какого, насколько мне известно, в других системах не обнаруживается. Конечно же, это не свидетельствует об истинности суфийской системы и не означает, что она лучше всех остальных, но говорит, однако, об ее отличии, опять же, насколько мне известно, в литературе еще не отмеченном.

Характерная особенность этой прерывистости в суфийской деятельности подводит нас к другому «странному» аспекту суфийской обучающей организации. Странность здесь заключается в том факте, что в отличие от других мистических или философских систем, суфии осуществляют свое обучение в таких общинах и через такие мероприятия, про которые сразу и не скажешь, что они «духовные». Например, как на Востоке, так и на Западе, каждый знает, что такое монастырь. Будучи поселением или объединением людей, монастырь вполне может заниматься той или иной коммерческой деятельностью, сельским хозяйством, пчеловодством, виноделием, производством ликероводочной продукции, различными ремеслами, причем считается, что деятельность эта просто помогает общине содержать себя. Суфии тоже осуществляют все эти виды деятельности, но весьма «странным» образом.

Суфийская школа может существовать внутри общины жестянщиков или вокруг какой-то фабрики, магазина, а то и управлять крупным поместьем. Даже некоторые само-повторяющиеся и формальные группировки порою несут на себе следы этого подхода. Среди дервишей ордена Бек-таши, например, можно обнаружить черты семейного уклада, когда его члены, взявшие на себя те или иные функции, по-прежнему называются Поварами, Конюхами и т.д. В Центральной Азии эта традиция тоже продолжается (номинально, а не на практике), в результате чего для обозначения суфийской группы там используют термин Кханавад – «семья». Большое количество древних суфийских организаций ведут свое происхождение от рыцарства, что являет уже другой тип, – так, в Иране странствующие дервиши (сами не зная, почему) все еще ходят в рыцарских плащах, а в теккях, помещениях для суфийских встреч, повсеместно распространенных от Боснии до Синкхьянга, на стенах по-прежнему висят мечи.

Причина существования столь разных типов суфизма, помимо того, что они указывают на гибкость учителя, способного обучать в любом тексте, состоит в том, что необходимо поддерживать прерывистость внутри самого обучения. Иными словами, если учителю нужно сохранять контакт и взаимоотношения со своими последователями, тогда как он (как бы) выжидает благоприятного момента, чтобы приступить к практике, которая только и способна принести просветление, ему необходимо располагать формой обучения, обеспечивающей согласованность группы. В дегенерированных системах эта форма носит сугубо религиозный характер. Люди носят специальные одежды, в установленное время молятся, медитируют и т.д. Фактически, они автоматизируют себя.

Для суфиев же главное условие в том, чтобы удержать состояние готовности до «момента», когда учение начнет действовать. Это подразумевает фокусировку внимания на учении только в тот период времени, когда учение обретет способность воздействия, тогда как

любая другая деятельность осуществляется до и после того. С определенной точки зрения все это, конечно, означает, что суфии создают социально-экономические группы, функция которых «быть в мире, но не от мира» (суфийский девиз), и при этом не тратят свою духовную энергию на эмоциональные и благочестивые мысли (молитвы, литании, чтения и т.п.), которые оказывают на людей обуславливающее воздействие.

Придется признать, что принцип, лежащий в основе этой интересной организации, поневоле рождает у наблюдающего предположение о наличии здесь, и в самом деле, необычной проницательности. То, что этот принцип отсутствует практически во всех других духовно ориентированных сообществах, или то, что они отвергли его, не должно вводить нас в заблуждение относительно возможного существования здесь некоего метода и знания, которые, быть может, совершенно неизвестны в других организациях. Как знать, не в этом ли и заключается суфийский секрет?

Согласно суфиям, существование подобных организаций, разумеется, возможно только благодаря присутствию суфиев, обладающих необходимым знанием для построения того, что кажется всего лишь мирской организацией, которая, тем не менее, тончайшим образом связана с учением, учениками и внешним миром.

В результате того, что несколько лет назад суфийский авторитет, Идрис Шах, провозгласил существование духовной подоплеки в структурах с виду совсем нерелигиозных, появились попытки создания так называемых суфийских ферм, лагерей, коммерческих компаний и т.д., и, как правило, создателями всего этого были обыкновенные имитаторы. Как уже неоднократно отмечалось в прошлом, страсть к подражанию не всегда связана с желанием обмануть других, но почти всегда есть признак незрелости. Поэтому читатели должны быть предупреждены относительно присоединения к любой «суфийской» организации, претендующей на то, что она якобы работает по принципу мирской организации, у которой имеется и внутреннее содержание. Все подлинные суфии находятся в непосредственном контакте друг с другом, и в каждый период времени в мире существует только одна суфийская организация, управляющая единым целым всей суфийской активности.

Существование такого тонко-настроенного инструмента, как всеобщая суфийская организация, со своими собственными органами коммуникации и своими собственными программами, основанными на прямом восприятии Истины, лежащей за пределами внешнего, делает нелепыми почти все наши попытки изучения суфиев через вторичные источники. Далее, смехотворным выйдет также тщательное изучение суфийских молитв, упражнений и методов, если они изучаются изолированно. Суфий, коль скоро он работает в созвучии с действующим целым, никогда не будет в состоянии показать (в большей степени, чем это будет доступно воспринимающей способности стороннего наблюдателя), какова действительная функция того или иного упражнения и т.д., ибо вне контекста все это теряет всякий смысл.

Современные суфии об ученых

Мохандис эль Алоуит

Не учитывая тех, кто знаком с подлинными суфиями (а таких очень мало, и они не принадлежат к общей массе), люди, по обыкновению, формируют свои впечатления о суфиях на основе печатной информации.

Словари и энциклопедии, как правило, слишком запутаны или их содержание чересчур ограничено, чтобы в них можно было найти сколько-нибудь полезный материал. Помимо них существуют статьи в популярных и специальных (религиозных, философских и академических) журналах, которые мучительно проталкивают какую-то одну единственную точку зрения, что никак не назовешь адекватной основой для изучения этого предмета. Кроме того, широким спросом пользуются еще две базовые категории книг, которые представляют третий источник информации о суфиях. В первую из этих категорий входят популярные работы, путающие суфизм с культами, оккультизмом или различными системами мысли, такими как йога или дзен. В последнее время особенно много материалов такого рода появилось в результате растущего интереса широкой публики к экспериментальной религии и психологии. Все эти работы по своему качеству весьма разнятся. Очень редко они являются результатом глубокого исследования, и их авторы, в большинстве случаев, описывают «скроенные» на новый лад старые техники и полагаются на информацию, которую черпают из авантюрных культов. Ко второй категории книг относятся произведения «самозванных специалистов», и среди них немало востоковедов, работы которых (в силу университетского или иного официального статуса авторов) считаются авторитетными.

Похоже, никто пока не пытался проверить, что думают об этих материалах подлинные суфии, и, желая прояснить этот вопрос, автор настоящей статьи опросил некоторых суфиев из Африки, а так же с Ближнего и Дальнего Востока.

Нет никакого секрета в том, что суфии и профессиональные или объявленные таковыми ученые всегда плохо совмещались друг с другом, и это видно из самых доступных ранних записей о суфизме, более чем тысячелетней давности.

В числе суфиев, казненных в прошлом, в результате показаний ученых теологов, – доблестный Халадж, великий суфийский мученик. Один из самых основных суфийских учителей Ибн ал-Араби (известный на Востоке как Величайший Мастер, Шейх аль Кабир) был вынужден предстать перед исламской инквизицией и убеждать ученых в том, что его книга «Толкователь желаний» относится к мистическим произведениям, а не к любовной поэзии. Как ни странно, ему это удалось, и, как считает большинство комментаторов, он тем самым показал скорее то, что превосходил ученых в искусстве диспута и интерпретации, чем то, что ученые теологи были поборниками справедливости. Позиции средневековых схоластов живы и по сей день в умах таких современных ориенталистов, как высоко почитаемый Игназ Голдзихар, который, невзирая на почти единодушное признание заслуг Араби, назвал его «мошенником» и не счел даже необходимым привести какие-то доказательства его так называемого «мошенничества».

На фоне кратко упомянутых здесь прецедентов, любому станет ясно, почему современные суфии относятся к ученым с некоторой долей подозрения.

Есть две основные причины такого осторожного отношения суфиев к ученым:

1. Ученые замечены в искажениях, непонимании и неправильной передаче фактов, и, в доказательство этой их тенденции, суфии приводят немало примеров, что действительно сводит на нет притязания ученых на объективность, например, в подходе к изучаемым материалам.

2. Ученые, претендуя на авторитет, склонны внушать людям, читающим их труды, что все, о чем они пишут, и те выводы, к которым приходят, незыблемы и правильны.

Вот основные замечания современных суфиев, подтвердившиеся в результате исследования того, что было опубликовано о суфиях учеными и «специалистами»:

- Многие заявления ученых противоречивы, как, например, один авторитет пишет, что Суфизм произошел от Христианства, а на следующей странице утверждает, что суфизм является самопроизводным движением. Опять-таки, другой хорошо известный авторитет говорит, что Суфизм ограничивается только мусульманами и, в то же время, – что все христиане суфии.

- Поразительно многочисленны исследователи Суфизма, путающие его с какой-нибудь разновидностью оккультизма и прибегающие к странной фразеологии и идеям, которым нет никакого подтверждения в классической суфийской литературе.

- Западные исследователи Ислама в своих ссылках на суфийские материалы и суфийский контекст совершают поистине детские ошибки, чем выдают свое вопиющее незнание Ислама и обстановки, в которой жили ранние суфии.

- Плохое знание персидского и арабского – основных языков суфийских классических произведений – совершенно очевидно у нескольких западных ученых. В их числе такие именитые профессора как Арбери и Никольсон.

- Некоторые из них переводят суфийские произведения и при этом признают, что не понимают, как эти материалы используются восточными людьми. Примером тому – переводчица Хафиза, Гертруда Белл.

- Многие авторы, и среди них Бердж, воображают, будто изучаемые ими деградировавшие культы, использующие суфийские внешние атрибуты, как, например, окаменелые останки Бекташизма, все еще влачащие жалкое существование на территории бывшей Турецкой империи, являются суфийскими организациями.

- Такие авторы, как Джон Субхан, полагают, что не актуальные ныне формулировки и практики, которыми в прежние времена пользовались для специфических целей, представляют собой интегральную часть суфизма.

- Многие ориенталисты не изучают современные живые аспекты суфийской деятельности и игнорируют современные организации суфиев или им не удается включить в свои исследования полученные из первых рук (и, часто, первоклассные) материалы о суфиях, которые собраны другими людьми, примером чего могут служить работы Бёрка «Среди Дервишей» («Among the Dervishes»), Лефорта «Учителя Гурджиева» («The Teacher's of Gurdjieff») и Фатеми «Суфийские изучения: Восток и Запад». («Sufi Studies: East and West»). Сегодня существует значительная библиография подобных материалов, почти не замечаемая «специалистами».

- Многие ориенталисты (некоторые из них сами обратились в ту или иную сектантскую версию Ислама) силятся представить Суфизм как некий частный аспект предпочитаемого ими вероучения. Этим особенно отличаются некоторые Западные последователи шиитского Ислама, пытающиеся установить шиитские корни суфиев. Подобный «племенной» подход делает их работы, возможно, к счастью для других, совершенно нечитабельными и, разумеется, почти лишенными какой-либо ценности, не считая интереса к ним, как к некоему религиозному курьезу.

- Многие современные исследователи-ориенталисты, а их на удивление много, постоянно путают настоящую суфийскую активность с имитационными культами, которые действуют под видом предположительно суфийских групп.

Хотя у подлинных суфиев найдется немало неопровержимых доказательств относительно невежества ученых в вопросах суфизма, этот факт сам по себе, разумеется, еще не доказывает авторитетность суфиев как суфиев. Единственное, что это показывает, так это то, что суфии значительно превосходят ученых в учености!

Суфийские места встреч

Ферручио Амадео

Суфийские места для встреч по традиции в большинстве своем обозначаются персидскими и арабскими терминами. Наиболее известные из этих терминов: Худжра [комната]; Завийа [угол]; Теккия [поддержка; место отдыха]; дайра [круг]; дар аль барака [обитель благословения].

Места для встреч резервируются для специфических случаев, что является их наиболее древним и законным использованием. Говорят, это связано с тем, что конфигурация комнаты или другого места предназначена для привлечения и концентрации определенной тонкой силы (Барака), которая собирается и распределяется среди участников встреч. Если, как гласит Суфийское правило, слишком много людей слишком часто используют помещение, то Барака не только растратится, но и «отпечаток» негативных характеристик присутствовавших там людей нарушит атмосферу, а это зачастую приводит к культовому и иному экстравагантному поведению участников встреч.

Вышеописанное условие не соблюдается большинством общин, именующих себя суфийскими, что может служить критерием для определения, является ли та или иная община подлинно Суфийской, каким бы престижем она ни пользовалась, или она всего лишь автоматизированная структура, а то и окаменелое ископаемое.

Иногда организуются специальные встречи для концентрации энергий. Но использование Мест для встреч, которые, стало быть, более похожи на инструмент, чем на что-либо иное, определяется присутствующим учителем, знающим, что сделать, чтобы участники и их деятельность способствовали концентрации необходимой энергии.

Согласно традиционному знанию, взаимодействие характеров людей, присутствующих там, – вопрос необычайной важности. Никакое место для встреч подобного рода не может быть организовано или использовано до тех пор, пока в общине менее 400 человек. Говорят, это объясняется тем, что из них можно выбрать самое большее 30 человек, которые смогут участвовать в практических занятиях, а также обеспечить тот диапазон человеческих «типов», который необходим, чтобы впитывать и генерировать искомую тонкую силу.

Как и следует ожидать, в использовании подобного «инструмента», величина, конфигурация и расположение помещения, а также материалы, применяемые в его убранстве, имеют огромную важность.

Поэтому самым тщательным образом рассчитываются и проецируются размеры помещения, место его расположения, внутреннее убранство, предметы, находящиеся в нем. Например, для собирания и отражения «Бараки» необходимы латунь и дерево в сочетании с керамикой и шерстью (овечьи шкуры). Огромное внимание уделяется тому, как изделия из этих материалов кладутся на свои места в помещении, когда кладутся, где и даже кем.

Необходимо учесть внутреннюю позицию людей, входящих в это помещение, так как она влияет на проходящие в нем мероприятия.

При этом, каждый индивидуум может относиться к более, чем одному «типу», так как, согласно Суфиям, любой человек состоит из множества различных, более или менее развитых, личностей, и то, как люди группируются, способствует максимизации или минимизации их тенденций, что может сказаться или благотворно, или негативно на прогрессе индивидуума и всей группы, стремящейся под руководством учителя к развитию высшего сознания.

Надо заметить, что в тех Суфийских группах, которые обычно доступны исследователям, большинство из выше перечисленных требований уже не соблюдается.

Фотоснимки многих мест для встреч свидетельствуют также о том, что они загромождены различными предметами, имеющими лишь традиционную и сентиментальную ценность, тогда как основная часть традиционной Суфийской деятельности посвящена тому, чтобы люди, где бы они с этим не встретились, избегали подобного.

Некоторые места встреч, называемые сама кхана [зал слушания] в деградировавших группах, часто используются для самых разных целей: для проведения собраний, «просмотра танцев», для выполнения различных упражнений, участия в «танцах» или других движениях, что, согласно самым большим Суфийским авторитетам, служит признаком выродившегося Учения.

Строительство и организация мест для встреч традиционно планировалось с огромной тщательностью. Древние записи об устройстве таких мест сходятся на определенных принципах и практиках, лежащих в основе их функциональности. Сначала учитель собирает какое-то количество своих последователей, затем организывает небольшое или предварительное место встреч. Когда начинается подготовка к созданию большого или постоянного места встреч, прежним местом пользуются все реже и реже. Говорят, это делают потому, что старое место должно быть зарезервировано для собрания Бараки, которая будет там накапливаться, а затем, когда будет готово постоянное место, перенесена туда.

С огромным вниманием и заботой относятся к вопросу собирания средств для создания постоянного места встреч. Во-первых, никаких фактических денежных сборов никто не организывает: считается, что действие Бараки становится проявленным, когда люди начинают совершенно спонтанно жертвовать на эту цель. Предполагается, что фонд для создания места встреч без всякого принуждения начинает расти и увеличиваться подобно снежному кому, по мере того, как необходимость в организации такого места и отпечаток накапливаемой Бараки проникает непосредственно (подсознательно) в умы учеников. Как только это происходит, они начинают жертвовать в этот фонд. Иногда, как и в других религиозных традициях, ученики расстаются со значительной частью своего имущества, и свои пожертвования передают, всегда анонимно, в полной тайне и наличными – Учителю.

Можно подумать, что в связи с неуклонным ростом во всем мире, особенно на Западе, цен на недвижимость, количество мероприятий по созданию таких специальных мест для встреч должно было значительно сократиться. Но, если вспомнить, что некоторые такие места, создаваемые Суфиями в прошлом, строились заново или организовывались на основе уже существующих зданий ценой половины состояний учеников, то понимаешь, что пожертвования, эквивалентные этому в современном мире, составляют колоссальные суммы, значительно превышающие сегодняшнюю стоимость на недвижимость.

Как и в других духовных общинах величина материальных пожертвований со стороны членов общины считается показателем их щедрости, что, в свою очередь, благотворно отражается на их способности извлекать пользу из Учения.

Хотя идея эта может показаться непривлекательной для тех, кто имеет сомнения относительно ценности Суфийской (или подобной им) системы, нельзя отрицать, что великие Мастера прошлого всегда придерживались этой практики, даже если сами они были королями или богатыми людьми, не нуждавшимися в жертвованиях для создания места встреч.

Интересно, что, по мнению Суфиев, строительство египетских пирамид было организовано на такой же основе. То есть, определенное количество посвященных пожертвовали колоссальные суммы, необходимые для строительства «домов силы», потому что именно для выполнения этой функции строились древние пирамиды.

Между прочим, считается, что сейчас они утратили свою функциональность и не способны больше привлекать и хранить «Бараку».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.